КЪ СТОЛѢТНЕМУ ДНЮ КОНЧИНЫ

МОИСЕЯ МЕНДЕЛЬСОНА

Рѣчь, произнесенная въ Общемъ Собраніи Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи

Ѳ. Бакстомъ.

Инв. № 2364

It was but abjuring my creed to efface
The curse which, thou say'st, is the crime of my race.

Byron. Hebrew Melodies

Книга
№

С-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія А. М. Вольфа, Большая Итальянская, д 2.
1886.

ПРОВ. 1957

Пр.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1313
30

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 3 Марта 1886 г.

Книга
№ 1044

ВЫСОКОПОЧТЕННОЕ СОБРАНІЕ!

Мы собрались здѣсь сегодня почтить память человѣка, который своею жизнью и дѣятельностью болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ освобожденію нашего племени въ современной Европѣ, — человѣка, который силою своего генія вывелъ евреевъ изъ замкнутой колеи ритуально-богословской казуистики на широкій путь работы во имя культуры человѣчества,—человѣка, котораго имя стало знаменемъ всего истинно-прогрессивнаго въ духовномъ развитіи евреевъ за послѣдніе 100 лѣтъ!

Я глубоко жалѣю, что задача оживить передъ Вами сегодня черты этого человѣка выпала на мою долю мои собственныя занятія были всегда далеки отъ того широкаго пути, на которомъ Мендельсонъ стяжалъ себѣ безсмертныя лавры,—и я напередъ долженъ просить Вашего благосклоннаго снисхожденія къ выполненію возложенной на меня задачи

Въ столь короткій промежутокъ времени, какой мнѣ предоставленъ сегодня для выполненія этой задачи, Вы, конечно, не можете ожидать отъ меня, чтобы я представилъ Вамъ полный образъ Мендельсона en face или хоть въ профиль; я буду очень счастливъ, если мнѣ удастся оживить передъ Вами нѣкоторыя выдающіяся черты его,—черты, на которыхъ преимущественно покоятся наша любовь и наше благоговѣніе къ его памяти!

Въ 1743 году у Розентальскихъ воротъ Прусской столицы, — у единственныхъ воротъ, черезъ которыя могли тогда входить въ Берлинъ незаписанные тамъ евреи,—вступилъ на Берлинскую почву крайне бѣдный, болѣзненный, искривленный и заикающійся 14-лѣт-

ній мальчикъ. На вопросъ дежурившаго у воротъ писца отъ Берлинской еврейской общины о цѣли его прибытія въ Берлинъ, онъ могъ только отвѣтить обычнымъ тогда въ устахъ еврейскаго юношества словомъ «учиться», на вопросъ-же о его средствахъ къ существованію, испуганный мальчикъ могъ только пролепетать имя тогдашняго Берлинскаго раввина: «рабби Давидъ Френкель» Этотъ мальчикъ былъ Моисей Мендельсонъ, какъ его называли потомъ, или по просту Моисей Менделевъ, какъ его называли еще тогда До прибытія въ Берлинъ. жизнь этого мальчика шла по обыкновенной колеѣ жизни еврейскихъ дѣтей того времени. Родившись въ Дессау въ 1729 г (6 сент., 12-о Элула 5489 г., по еврейскому счисленію),—въ томъ-же благодатномъ году, въ которомъ родился и Готгольдъ Эфраимъ Лессингъ,—отъ крайне бѣдныхъ родителей, онъ уже на шестомъ году жизни зналъ изрядно древне-еврейскій языкъ, который онъ изучилъ подъ руководствомъ своего отца Менделя. бѣднаго писца Св Писанія и меламеда. Съ 6-лѣтняго возраста отецъ отдалъ его въ ученіе въ мѣстный Бетъ-Гамидрошъ — молитвенный домъ, гдѣ въ немолитвенные часы, по исконнему обычаю, еврейское юношество обучалось талмуду съ его многочисленными комментаріями. Къ счастью для Моисея Мендельсона, представителемъ Бетъ-Гамидроша въ его родномъ городѣ Дессау и мѣстнымъ раввиномъ сталъ скоро рабби Давидъ Гиршель Френкель, авторъ извѣстнаго комментарія на Іерусалимскій талмудъ (Корбанъ-Гаэда), человѣкъ, умѣвшій находить себѣ духовную пищу не только въ талмудѣ и многочисленныхъ богословскихъ респонсахъ, но и въ средневѣковыхъ еврейскихъ философскихъ сочиненіяхъ. Этотъ учитель навелъ маленькаго Моисея на изученіе «Руководителя блуждающихъ» (Море-Небухимъ) Маймонида, и юный Моисей бросился въ изученіе этого сочиненія со всею энергіею пытливаго ума. Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часто говаривалъ «этому Маймониду я обязанъ своимъ искривленнымъ тѣломъ, тѣмъ не менѣе я его люблю всею душею потому что онъ усладилъ многіе горькіе часы моей жизни и такимъ образомъ вдесятеро вознаградилъ меня за вредъ, причиненный моему тѣлу». Благодаря счастливому случаю. рабби Д. Г. Френкель получилъ приглашеніе на раввинатъ въ Берлинѣ и переселился туда какъ разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія туда мальчика Моисея Мендельсона.

Надежды Мендельсона на поддержку рабби Д Г. Френкеля вполнѣ оправдались,—правда, лишь въ обычномъ масштабѣ тогдашняго времени, который показался бы крайне скареднымъ современному еврейскому юношеству. Рабби Френкель доставилъ Мендельсону жилище въ мансардѣ и обѣдъ въ извѣстные дни недѣли у Берлинскаго еврея Бамбергера; въ субботніе и праздничные дни Мендельсонъ былъ приглашенъ навсегда къ столу самого раввина, который кромѣ того доставлялъ ему недѣльный заработокъ въ нѣсколько зильберъ-грошей, предоставляя ему переписку сочиненій, которыя онъ готовилъ къ печати. Кромѣ этой матеріальной поддержки, рабби Френкель принялъ его въ число учениковъ, которыхъ онъ руководилъ въ ихъ занятіяхъ еврейскимъ вѣроученіемъ Мальчикъ Мендельсонъ не унывалъ, наслажденіе пріобрѣтаемыми духовными благами заглушало въ немъ ощущенія голода и лишеній, и въ сознаніи, что совершенствованіе разума составляетъ лучшее преимущество человѣка, онъ съ философскимъ спокойствіемъ обозначалъ на пріобрѣтаемомъ хлѣбѣ ненарушимыя линіи, до которыхъ онъ могъ съѣдать въ извѣстный день, чтобы не умереть съ голоду на слѣдующій день.

Кромѣ занятій еврейскимъ вѣроученіемъ, Мендельсонъ сталъ втихомолку учиться и нѣмецкому языку и знакомиться съ тогдашнею нѣмецкою литературою. Весьма замѣчательно, что одной изъ первыхъ нѣмецкихъ книгъ, которыя онъ прочелъ, было сочиненіе извѣстнаго придворнаго богослова Фридриха Вильгельма I, Рейнбека: «Разсмотрѣніе Аугсбургскаго исповѣданія»,—сочиненіе, строющее богословскую догматику на философской догматикѣ Вольфа, такъ что первыя свѣдѣнія о характерѣ Вольфовской догматики Мендельсонъ получилъ на родственной для него почвѣ богословія

Въ это-же время счастливый случай свелъ Мендельсона въ Бетъ-Гамидрошѣ съ однимъ польскимъ евреемъ изъ Замостя, который жилъ тогда въ Берлинѣ въ совершенномъ уединеніи и крайней нищетѣ, всецѣло преданный изученію еврейской средневѣковой философской литературы Израиль Замость, какъ его обыкновенно называютъ, или Израиль Моисеевъ Леви, ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ преимущественно своимъ комментаріемъ къ богословско-философскому трактату «Кузри», посвятилъ Мендельсона въ начала математики и указалъ ему на важность этой науки для правильнаго

развитія мышленія; подъ его руководствомъ Мендельсонъ изучилъ Эвклида по еврейскому переводу. Вообще вліяніе Израиля Замостя на Мендельсона было, безъ сомнѣнія, весьма глубокое и многостороннее, такъ какъ рѣдкій изъ его современниковъ проникъ съ такою самостоятельностью въ тонкости еврейской средневѣковой философской литературы, какъ Израиль Замость; въ этомъ отношеніи его, можетъ быть, слѣдуетъ даже признать однимъ изъ предшественниковъ другого польскаго еврея, знаменитаго впослѣдствіи Соломона Маймона (род. возлѣ мѣстечка Мира, Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.),—между прочимъ, единственнаго человѣка изъ всей русской земли, которому посчастливилось занять мѣсто во всеобщей исторіи философіи.

По мѣрѣ расширенія своихъ познаній, Мендельсонъ почувствовалъ необходимость изучить основательно латинскій языкъ, считавшійся еще тогда господствующимъ языкомъ ученыхъ. Пришлось еще болѣе уменьшать свою пищу, чтобы на скопленные гроши пріобрѣсти у антиквара латинскую грамматику и словарь. Выборъ Мендельсономъ латинскихъ книгъ для чтенія всецѣло зависѣлъ отъ случайнаго нахожденія той или другой книги у антиквара,— и одной изъ первыхъ латинскихъ книгъ, которую Мендельсонъ изучилъ, при постоянной помощи стараго лексикона, былъ латинскій переводъ «Опыта о человѣческомъ разумѣ» Локка. Такимъ образомъ уже съ перваго шага въ сферу общихъ познаній Мендельсонъ познакомился съ однимъ изъ англійскихъ мыслителей, которые имѣли столь существенное вліяніе на ходъ и развитіе нѣмецкой философіи конца прошлаго столѣтія Съ благодарностью должно быть при этомъ упомянуто, что при изученіи латинскаго языка Мендельсонъ пользовался— правда, въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ—помощью еврейскаго врача Киша, основательно изучившаго древніе языки въ іезуитской коллегіи въ Прагѣ. Познакомившись съ латинскимъ языкомъ настолько, что онъ могъ свободно читать въ латинскихъ переводахъ Платона и Аристотеля, Мендельсонъ обратился къ изученію французскаго и англійскаго языковъ, въ чемъ ему оказывалъ существенное содѣйствіе состоятельный еврейскій автодидактъ, впослѣдствіи извѣстный д-ръ Аронъ Гумпертцъ. Гумпертцъ оказывалъ Мендельсону и нѣкоторую матеріальную поддержку и такимъ образомъ освободилъ его отъ обязательнаго, безпрерывнаго посѣщенія Бетъ-Гамид-

роша. Кромѣ того, Гумпертцъ сталъ впослѣдствіи мало по малу вводить Мендельсона въ кругъ христіанскихъ ученыхъ, преимущественно тогдашняго президента Берлинской Академіи Наукъ Мопертюи, изъ вѣстнаго открытіемъ принципа наименьшаго расхода силы, и академиковъ — маркиза д'Аржана, автора извѣстныхъ въ свое время Lettres juives, Бозобра. Премонтваля и др. Главная-же заслуга Гумпертца передъ Мендельсономъ состоитъ въ томъ, что онъ позже познакомилъ его съ Готтольдомъ Эфраимомъ Лессингомъ,—знакомство, которое должно было имѣть рѣшительное вліяніе на развитіе Мендельсона и Лессинга, даже на культуру нѣмецкаго народа и судьбу всего еврейскаго племени.

Мендельсонъ прожилъ въ крайней бѣдности до 1750 г., когда богатый Берлинскій фабрикантъ шелка Исаакъ Бернгардъ пригласилъ его въ качествѣ воспитателя своихъ дѣтей. Это предложеніе, принятое, разумѣется, съ радостью, сразу освободило Мендельсона отъ тягостныхъ дневныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, и въ свободные часы отъ своихъ обязанностей онъ со всею энергіею предавался, рядомъ съ изученіемъ еврейской литературы, преимущественно изученію философіи Въ четыре года, которые Мендельсонъ прожилъ въ качествѣ домашняго учителя, онъ изучилъ философію Спинозы, Лейбница и Вольфа и съ особеннымъ рвеніемъ предавался изученію — столь чуждыхъ впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ, его основнымъ воззрѣніямъ—англійскихъ мыслителей Локка, Юма, Гутчисона, Шефтсбюри и др. У англійскихъ мыслителей его особенно плѣняло ихъ свободное отношеніе ко многимъ вопросамъ жизни,— и какъ молнія среди темной ночи должно было тогда показаться ему требованіе Локка полнаго гражданскаго равноправія для евреевъ.

Къ концу учительской дѣятельности Мендельсона (1754 г) относится начало уже упомянутаго нами знакомства его съ Лессингомъ Лессингъ былъ тогда уже авторомъ многихъ стихотвореній, драмъ и замѣчательныхъ критическихъ статей, хотя многіе литературные вожаки и ученые педанты того времемени позволяли себѣ еще относиться къ нему съ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ къ недоучившемуся студенту, газетному писакѣ и даже литературному флибустьеру. Какъ разъ въ началѣ своего знакомства съ Мендельсономъ, Лессингъ выпустилъ въ свѣтъ свой знаменитый «Vademecum fur den Herrn Sam. Gotth. Lange» — критическій трудъ, сдѣлавшій

имя Лессинга страшнымъ для многихъ ученыхъ педантовъ. Эта критика Лессинга,—по поводу поэтическаго перевода Горація, надъ которымъ Ланге работалъ цѣлыхъ девять лѣтъ и который былъ принятъ съ величайшимъ восторгомъ господствовавшею тогда нѣмецкою критикою, — раскрыла совершенное ничтожество Ланге, обезпечивъ за нимъ безсмертіе въ томъ отношеніи, что о немъ будутъ всегда вспоминать, какъ о первомъ выдававшемся въ то время ученомъ и поэтѣ, которому Лессингъ нанесъ самое рѣшительное пораженіе. Для Мендельсона знакомство съ Лессингомъ имѣло еще то особенное обаяніе, что Лессингъ былъ уже тогда авторомъ извѣстной драмы «Евреи». Выставить странствующаго еврея образцомъ чистой добродѣтели, какъ это сдѣлалъ Лессингъ въ этой драмѣ, помѣстить въ драмѣ нынѣ уже обыденныя для большинства образованныхъ людей мысли, въ родѣ тѣхъ, что «если еврей обманываетъ, то, можетъ быть, въ семи случаяхъ изъ девяти его принуждаетъ къ этому христіанинъ», выразить сомнѣніе въ томъ, «многіе-ли христіане могутъ похваляться искренностью отношеній къ еврею», выразить затѣмъ убѣжденіе, что «для того, чтобы честность и преданность господствовали между двумя племенами, необходимо, чтобы эти племена стремились къ этому въ одинаковой мѣрѣ», наконецъ задать вопросъ: «что можно ожидать хорошаго, если у одной части населенія считается чуть-ли не догматомъ и заслуженнымъ дѣломъ преслѣдовать евреевъ»? — все это считалось тогда дерзновенною новизною. Знаменитый І. Д. Михаэлисъ, имѣющій между прочимъ ту заслугу, что онъ ранѣе многихъ другихъ призналъ значеніе Лессинга, писалъ по поводу этой драмы, что онъ считаетъ крайне «невѣроятнымъ», чтобы еврей могъ такъ благородно мыслить и дѣйствовать, что «въ этомъ въ высшей степени благородномъ лицѣ драмы вовсе нельзя узнать еврея», прибавивъ впрочемъ потомъ, что эти замѣчанія имѣютъ мѣсто, пока евреи страдаютъ отъ столь тяжелыхъ преслѣдованій. Мендельсонъ, познакомившійся, вѣроятно, черезъ Лессинга съ этою рецензіею Михаэлиса, не могъ оставить ее безъ отвѣта, и Лессингъ напечаталъ этотъ отвѣтъ въ первомъ выпускѣ своей Театральной Библіотеки. Этотъ отвѣтъ Мендельсона (1754 г.), страдающій обиліемъ декламаціи, характеризуетъ однако уже до нѣкоторой степени его отношеніе къ тогдашнему положенію евреевъ. «Какимъ образомъ человѣкъ,

имѣющій чувство честности, восклицаетъ Мендельсонъ, можетъ отрицать вѣроятіе появленія честнаго человѣка среди цѣлаго племени,— племени, среди котораго народились всѣ пророки для человѣчества . Развѣ недостаточно, что мы должны испытывать столь жестокую и горькую вражду христіанъ, — и неужто несправедливости противъ насъ должны быть еще оправдываемы клеветою? Пусть продолжаютъ угнетать насъ, пусть продолжаютъ ограничивать нашу дѣятельность среди свободныхъ и счастливыхъ гражданъ, пусть даже продолжаютъ выставлять насъ на посмѣяніе и позоръ всего міра,— но пусть не отрицаютъ нашей добродѣтели, этого единственнаго утѣшенія униженныхъ, единственнаго убѣжища преслѣдуемыхъ».

Первую литературную попытку на философскомъ поприщѣ Мендельсонъ сдѣлалъ по побужденію Лессинга. Разъ Лессингъ далъ Мендельсону для прочтенія одну статью Шефтсбюри; черезъ нѣсколько дней Мендельсонъ возвратилъ Лессингу эту статью, и на вопросъ Лессинга, какъ она ему понравилась, онъ отвѣтилъ: очень хорошо, но такую вещь и я могъ бы написать. Ну такъ напишите что либо подобное, сказалъ ему Лессингъ, и черезъ нѣсколько дней Мендельсонъ принесъ ему свою рукопись. Въ продолженіе довольно долгаго времени Лессингъ не заговаривалъ болѣе объ этомъ предметѣ съ Мендельсономъ, и Мендельсонъ, по своей природной робости, не спрашивалъ Лессинга о судьбѣ своей рукописи,—но когда; по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Мендельсонъ спросилъ Лессинга, прочелъ-ли онъ уже его статью, то Лессингъ передалъ ему печатный экземпляръ этой статьи, которую онъ напечаталъ безъ вѣдома Мендельсона и безъ его имени. Не имѣя возможности входить здѣсь въ обстоятельный анализъ философскихъ произведеній Мендельсона, я долженъ однако обратить здѣсь особенное вниманіе на слѣдующія двѣ характерныя черты этого перваго философскаго опыта Мендельсона, вышедшаго подъ заглавіемъ: «Философскія бесѣды». Во первыхъ, Мендельсонъ рѣшается хоть до нѣкоторой степени— извѣстнымъ образомъ даже въ духѣ снисходительнаго благоволенія—взять тутъ подъ свою защиту Спинозу. Въ нашъ вѣкъ, на мышленіе котораго «Этика» и «Богословско-политическій трактатъ» Спинозы имѣли, можетъ быть, самое могущественное вліяніе, защита Спинозы должна показаться въ порядкѣ вещей, если не совершенно излишнею,—но не нужно забывать, что вплоть до знаменитаго

спора, поднятаго относительно Спинозы извѣстнымъ сочиненіемъ Ф. Г. Якоби, привыкли относиться къ Спинозѣ, говоря словами Лессинга, какъ къ «дохлой собакѣ». Защита Спинозы со стороны Мендельсона и особенно его попытка указать источникъ знаменитой мысли Лейбница о преэтаблированной гармоніи въ міровоззрѣніи Спинозы должны поэтому быть признаны крайне смѣлымъ шагомъ для тогдашняго времени. Позволительно даже думать, что эта попытка Мендельсона послужила стимуломъ для Лессинга къ болѣе глубокому изученію Спинозы, которому онъ предавался преимущественно во время своего пребыванія въ Бреславлѣ; лишь черезъ восемь лѣтъ послѣ появленія философскаго опыта Мендельсона, Лессингъ пишетъ ему о своемъ несогласіи съ его воззрѣніемъ насчетъ источника преэтаблированной гармоніи Лейбница, выражая это несогласіе, къ сожалѣнію, не вполнѣ развитою параболою о двухъ дикихъ, которые въ первый разъ видятъ движенія своего тѣла въ зеркалѣ.... Не нужно впрочемъ думать, что Мендельсонъ вполнѣ усвоилъ себѣ міровоззрѣніе Спинозы,—для этого ихъ духовныя натуры были слишкомъ различны, но чѣмъ болѣе Мендельсону было чуждо по его натурѣ міровоззрѣніе Спинозы, тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ защита Спинозы его правдолюбію и независимости мысли.

Второй пунктъ, заслуживающій нашего особеннаго вниманія въ этомъ первомъ философскомъ опытѣ Мендельсона—это также его замѣчательная независимость мысли по отношенію къ непосредственно окружавшимъ его философскимъ и литературнымъ теченіямъ. Въ столицѣ Фридриха Великаго, гдѣ въ то время безусловно господствовали французская литература и французское мышленіе, гдѣ нѣмецкое творчество и мышленіе считались чѣмъ то низшимъ, едва достойнымъ вниманія, бѣдный еврей рѣшается выступить за честь нѣмецкой литературы и философіи, дерзаетъ утверждать, что со времени Малебранша французы не произвели ни одного настоящаго мыслителя, дерзаетъ опровергать Премонтваля, самаго яраго противника нѣмецкаго элемента и даже нѣмецкой рѣчи въ Берлинской Академіи Наукъ, и въ довершеніе всего дерзаетъ даже недвусмысленно кивнуть по адресу самого короля, утверждая, что въ Вольтерѣ «уже давно привыкли къ недостатку основательности» и что «кромѣ великихъ міра сего, немногіе увлекаются его философіею».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ «Философскихъ бесѣдъ»,

появились, также анонимно, «Письма объ ощущеніяхъ» Мендельсона, составляющія начало его этюдовъ по эстетикѣ, которыми Мендельсонъ пріобрѣлъ себѣ навсегда право на историческое мѣсто между первыми основателями нѣмецкой эстетики. По поводу появленія этихъ «Писемъ»,—которыя знаменитый I Д Михаэлисъ получилъ прямо отъ Мендельсона, съ просьбою не опубликовать однако его имени,—I Д. Михаэлисъ, приписавшій въ своей рецензіи въ Gottinger gelehrte Anzeigen (29-о мая 1755 г.) «Философскія бесѣды» Лессингу, потому что онѣ представляютъ, какъ онъ писалъ, «ту пріятность изложенія, глубокомысліе и занимательность, вмѣстѣ съ нѣкоторыми оборотами рѣчи, которыя вообще отличаютъ Лессинга», въ первый разъ возвѣстилъ литературному міру, что автора «Философскихъ бесѣдъ» и «Писемъ объ ощущеніяхъ» слѣдуетъ искать между евреями Въ особенной-же рецензіи, посвященной «Письмамъ объ ощущеніяхъ», Михаэлисъ призналъ Мендельсона «лучшимъ изъ всѣхъ учениковъ Вольфа».

Еще болѣе Мендельсонъ обратилъ на себя вниманіе въ тѣсномъ кругу ученыхъ, особенно-же среди Берлинскихъ академиковъ, появившимся въ томъ-же году трактатомъ «Попъ — метафизикъ», который онъ разработалъ при непосредственномъ содѣйствіи Лессинга. Это сочиненіе было написано по поводу предложенной на тотъ годъ Берлинскою Академіею Наукъ преміи на тему: изслѣдованіе системы Попа, заключающейся въ его положеніи «Whatever is, is right»,— тему представлявшую собою въ этой формѣ крайне грубое приниженіе оптимизма Лейбница, господству котораго президентъ Академіи Мопертюи, державшійся принципа «point de systèmes», и нѣкоторые его французскіе товарищи хотѣли такимъ образомъ нанести жестокій ударъ. Мендельсонъ, остававшійся всю жизнь столь безусловнымъ поклонникомъ Лейбница, что не допускалъ и параллели между нимъ и даже Аристотелемъ, и Лессингъ, питавшій глубокое уваженіе къ Лейбницу «за его великій стиль мышленія» (wegen der grossen Art zu denken), какъ онъ выразился въ бесѣдѣ съ Ф. Г Якоби, признававшій, что по его взгляду «Лейбницъ не написалъ даромъ ни одной строчки», не могли не почувствовать всей тяжести этого приниженія нѣмецкой философіи, и по этому поводу они и написали упомянутый трактатъ, въ которомъ литературно-сатирическая полировка несомнѣнно принадлежитъ Лессингу Хотя

этотъ трактатъ появился также анонимно, однако авторство Мендельсона и Лессинга не могло оставаться долго тайною, и въ Берлинскихъ ученыхъ кружкахъ и даже при дворѣ стали интересоваться бѣднымъ евреемъ, который дерзнулъ разъяснить всю нелѣпость поставленной Академіею темы и такимъ образомъ нанести столь жестокій ударъ французскимъ членамъ Берлинской Академіи Наукъ.

Благодаря названнымъ тремъ сочиненіямъ, Мендельсонъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ тогдашней нѣмецкой философской литературѣ, а благодаря мѣсту бухгалтера, полученному имъ на шелковой фабрикѣ Бернгарда, въ домѣ котораго онъ пробылъ четыре года въ качествѣ домашняго учителя, Мендельсонъ могъ спокойно посвящать свои досуги философскимъ и литературнымъ трудамъ.

Съ замѣчательною многосторонностью Мендельсонъ бросается теперь въ самые различные роды духовной дѣятельности. Онъ переводитъ на нѣмецкій языкъ знаменитый трактатъ Руссо. «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes» и сопровождаетъ свой переводъ «Посланіемъ къ Лессингу», въ которомъ излагаетъ свои собственныя мысли о способности развитія человѣчества. Онъ вступаетъ въ обширную переписку по эстетическимъ вопросамъ съ Лессингомъ, — переписку, въ которой выяснены были первыя основы для Лаокоона Лессинга, который въ 1765 г., по своемъ пріѣздѣ въ Берлинъ съ намѣреніемъ приступить къ изданію этого безсмертнаго сочиненія, еще устно продебатировалъ съ Мендельсономъ всю философскую часть этого труда и измѣнилъ, согласно указаніямъ Мендельсона, дѣленіе предметовъ живописи и поэзіи. Рядомъ съ этимъ Мендельсонъ издаетъ самостоятельныя, капитальныя изслѣдованія въ области эстетики, какъ изслѣдованія: «О главныхъ основаніяхъ изящныхъ искусствъ», «О возвышенномъ и наивномъ въ изящной словесности», «Рапсодія или прибавленія къ письмамъ объ ощущеніяхъ», и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ трехъ послѣдовательно основанныхъ его другомъ Николаи журналахъ: «Bibliothek der schonen Wissenschaften» (1757—1760 гг.), «Briefe, die neueste Literatur betreffend» (1760—1765 г.) и «Allgemeine deutsche Bibliothek» (1765 и слѣд.). Участіе его въ этихъ журналахъ выражается въ критическихъ разборахъ, всегда богатыхъ новыми мыслями, главнѣйшихъ явленій нѣмецкой, французской и англійской литературъ

Среди постоянныхъ занятій вопросами эстетики и литературною критикою, Мендельсонъ пробуетъ и свои собственныя силы въ области изящной словесности, сочиненіемъ нѣкоторыхъ дидактическихъ стихотвореній, одъ, поэтическими переводами псалмовъ и пр

Рядомъ съ столь разнообразною литературною дѣятельностью, онъ неустанно стремится къ расширенію своихъ познаній Такъ онъ до 1760 г. усердно занимается математикою, доказательствомъ чего служитъ его опытъ по теоріи вѣроятностей, имѣющій впрочемъ своею конечною цѣлью опроверженіе скептицизма Юма,— трактатъ, читанный Мендельсономъ въ обществѣ Эйлера, Эпинуса, Вильке и др. Его страсть къ расширенію своихъ познаній была столь сильна, что еще на 38-мъ году своей жизни онъ принимается за изученіе греческаго языка, — изученіе, которому онъ посвящаетъ три года, пока онъ былъ въ состояніи совершенно свободно читать въ оригиналѣ греческихъ мыслителей.

Два сочиненія обращаютъ затѣмъ на Мендельсона особенное вниманіе. Берлинская Академія Наукъ задала на премію на 1763 г. тему, подъ заглавіемъ: «доступна-ли метафизическимъ истинамъ такая-же очевидность, какъ истинамъ математическимъ», и Мендельсонъ явился среди конкуррентовъ на эту премію. Двѣ послѣднія главы сочиненія Мендельсона по этому предмету представляютъ впрочемъ расширеніе заданной Академіею темы, такъ какъ Мендельсонъ трактуетъ въ нихъ объ очевидности въ философіи религіи и этикѣ и кладетъ тутъ основаніе тому философскому теизму, который онъ позднѣе развилъ въ своихъ знаменитыхъ «Утреннихъ бесѣдахъ». Въ этомъ философскомъ состязаніи Мендельсонъ остался побѣдителемъ не только надъ своимъ другомъ Томасомъ Аббтомъ, профессоромъ въ Ринтельнѣ, но и надъ будущимъ творцомъ новой философіи — Кантомъ, труду котораго («Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsatze der naturlichen Theologie und der Moral») Академія присудила лишь вторую премію Справедливость требуетъ однако замѣтить, что мы не имѣемъ повода гордиться этою побѣдою Мендельсона надъ Кантомъ; между тѣмъ какъ Мендельсонъ развиваетъ,—правда, съ чрезвычайною тонкостью и элегантностью, — свои положенія въ духѣ господствовавшихъ тогда Лейбницо-Вольфовскихъ опредѣленій, въ трактатѣ Канта проглядываютъ уже начала его критическаго анализа, который

долженъ былъ произвести революцію въ философскомъ мышленіи лишь черезъ 18 лѣтъ — съ появленіемъ его «Критики чистаго разума» Безпристрастная критика должна поэтому въ извѣстной степени приписать признаніе первенства за трактатомъ Мендельсона, сравнительно съ трактатомъ Канта, нѣкоторому недомыслію со стороны Берлинской Академіи. Весьма поучительно однако замѣтить, что, не смотря на существенныя различія въ основныхъ точкахъ зрѣнія, Мендельсонъ принадлежитъ къ немногимъ людямъ, оцѣнившимъ Канта по его первымъ сочиненіямъ, не смотря на то, что большинство философскихъ современниковъ Канта оставляло почти совершенно безъ вниманія его труды до 1781 г. Почти съ пророческою проницательностью Мендельсонъ пишетъ по поводу трактата Канта (1770 г.) «De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis» «очевидно, что это маленькое сочиненіе составляетъ плодъ очень долгихъ размышленій и что оно должно быть разсматриваемо лишь какъ часть цѣлой системы, принадлежащей автору, которой онъ, повидимому, хочетъ пока представить лишь нѣкоторые образцы» Такое сужденіе о трудѣ Канта до 1781 г. очень рѣзко отличается отъ отношенія къ Канту философскихъ вожаковъ того времени!

Еще гораздо болѣе Мендельсонъ обратилъ на себя вниманіе не только въ тѣсномъ кругу философовъ, но во всемъ образованномъ мірѣ, своимъ сочиненіемъ о безсмертіи души, подъ Платоновскимъ заглавіемъ «Федонъ», ближайшимъ поводомъ къ которому послужила преимущественно его переписка съ Томасомъ Аббтомъ, хотя, какъ видно изъ письма къ Лессингу еще отъ 1760 (отъ 19-го декаб.), Мендельсонъ уже давно занятъ былъ мыслью объ этомъ сочиненіи Можно, конечно, вообще сомнѣваться въ возможности строго философской разработки вопроса о безсмертіи души, можно даже относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ эѳирно-высокій точкѣ зрѣнія Спинозы на этотъ предметъ, выраженной въ его «Этикѣ», а именно, что «homo liber (i. e. qui ex solo rationis dictamine vivit) de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitae meditatio est», можно, наконецъ, относиться съ полнымъ пониманіемъ къ точкѣ зрѣнія одного знаменитаго современнаго критика, утверждающаго, что «кто нуждается лично для себя въ надеждѣ на будущее возмездіе, тотъ находится еще въ преддверіи нравственности»,—но, спрашивается, что дѣлать большинству

образованныхъ людей, которымъ недоступно эѳирно-чистое и высокое міровоззрѣніе Спинозы, или которые даже не обладаютъ тѣмъ глубокимъ и поразительно многостороннимъ образованіемъ, которое отличало сейчасъ приведеннаго критика? Вѣдь, даже Гете,— который, можетъ быть, болѣе многихъ своихъ современниковъ углубился въ Спинозу и которому принадлежитъ знаменитое изреченіе: Wer Wissenschaft und Kunst besitzt, der hat auch Religion, — не могъ себя представитъ безъ идеи о безсмертіи души,—идеи, которую онъ, правда, облекалъ въ странную форму обязанности передъ нимъ природы, какъ видно изъ его бесѣдъ съ Эккерманомъ!

Поэтому несомнѣнно, что Федонъ Мендельсона,—представляющій собою, рядомъ съ развитіемъ многихъ новыхъ, крайне плодотворныхъ доводовъ въ пользу безсмертія души, чрезвычайно тонкій и ясный разборъ всѣхъ доказательствъ въ пользу этого допущенія, высказанныхъ отъ Платона до Лейбница,—останется навсегда классическимъ философскимъ произведеніемъ, какъ онъ останется навсегда образцомъ нѣмецкой прозы для изложенія тонкихъ философскихъ вопросовъ «Въ сущности», писалъ впослѣдствіи Кантъ, «слѣдуетъ такъ-же мало желать всѣмъ писателямъ одинъ и тотъ-же стиль, какъ всѣмъ деревьямъ—одну и ту-же кору, тѣмъ не менѣе, стилъ Мендельсона представляется намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ для философіи. Этотъ стиль, столь свободный отъ всякаго исканія ослѣпляющихъ красотъ и въ тоже время столь элегантный, столь остроумный и столь ясный, столь мало разсчитанный на чувства и въ тоже время столь убѣдительный, — по правдѣ, еслибы муза философіи должна была выбрать себѣ стиль, то она выбрала бы стиль Мендельсона».

Неудивителенъ поэтому безподобный успѣхъ, который имѣло это сочиненіе Мендельсона. Во всей исторіи философской литературы трудно указать на другое сочиненіе, которое могло бы сравниться по своему успѣху съ «Федономъ» Мендельсона не говоря уже о множествѣ потребовавшихся новыхъ изданій нѣмецкаго оригинала, онъ въ довольно короткое время былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки Гердеръ, признававшій это сочиненіе крайне важнымъ «для человѣчества, общества, государства и философіи», между прочимъ, писалъ по его поводу: «Сократъ ввелъ философію среди людей, а Мендельсонъ — философскій писатель нашей націи, породнившій философію съ красотою стиля». «Федонъ Мендельсона»,

писалъ Винкельманъ изъ Рима, «есть одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій, какія я когда либо читалъ; жаль, что его авторъ—нѣмецъ, сказалъ бы Потсдамскій герой», язвительно прибавляетъ Винкельманъ, по адресу Фридриха Великаго.

Это послѣднее замѣчаніе Винкельмана едва-ли вполнѣ вѣрно: еслибы Фридриху Великому пришлось выразить подобнаго рода сожалѣніе, то онъ вѣроятнѣе выразилъ бы его въ другой формѣ, а именно: жаль, что его авторъ—еврей! Дѣйствительно, не смотря на всеобщее воодушевленіе Федономъ Мендельсона, не смотря на исканіе дружбы и знакомства Мендельсона не только со стороны самыхъ выдающихся писателей того времени, но и со стороны просвѣщенныхъ царственныхъ особъ, какъ наслѣднаго принца Брауншвейгскаго и владѣтельнаго графа Шаумбургъ-Липпскаго, не смотря даже на то, что со времени появленія Федона стали называть Мендельсона не иначе, какъ нѣмецкимъ Платономъ или Сократомъ XVIII-го вѣка,—съ разныхъ сторонъ,— разумѣется, только не со стороны Лессинга и ему подобныхъ,—слышится однако надломленная нота непріятнаго удивленія и зависти, что столь высокій почетъ достается на долю еврея, что еврея приходится признать первокласснымъ національнымъ писателемъ Германіи! И не мудрено! Не нужно забывать, какое воспитательное значеніе имѣетъ законодательство не только на массу, но и на большинство образованныхъ людей,—а въ то время, какъ еврей пожиналъ столь заслуженныя лавры своего литературнаго и философскаго творчества, во многихъ городахъ Германіи евреи ни подъ какимъ видомъ не могли переночевать хоть одну ночь, изъ опасенія «извѣстныхъ сношеній евреевъ съ злыми духами», да и законодательство Фридриха Великаго о евреяхъ, по справедливому замѣчанію Прескотта, «переноситъ насъ въ самыя темныя времена Вестготской монархіи»!

Вскорѣ Мендельсону пришлось самымъ горькимъ образомъ испытать явный плодъ этой затаенной зависти и воспитаннаго вѣками презрѣнія къ евреямъ и еврейской религіи. Еще въ 1763 г., во время своего путешествія по Германіи, съ цѣлью пріобрѣтенія знакомствъ и славы, знаменитый протестантскій писатель и Цюрихскій діаконъ Лафатеръ,—котораго впослѣдствіи многіе называли Цюрихскимъ пророкомъ,—посѣтилъ Мендельсона и вынесъ о немъ самое восторженное впечатлѣніе, какъ видно изъ его письма къ Цюрих-

скому канонику Брейтингеру. Никто не имѣлъ случая узнать Лафатера лучше, чѣмъ Гете, который, послѣ временнаго увлеченія имъ, характеризовалъ его при различныхъ случаяхъ. Трудно только опредѣлительно сказать, какая изъ характеристикъ Гете всего вѣрнѣе изображаетъ главныя черты личности Лафатера: охарактеризованали эта личность вѣрнѣе въ знаменитой эпиграммѣ:

Schade, dass die Natur nur Einen Menschen aus Dir schuf!
Denn zum wurdigen Mann war und zum Schelmen der Stoff,—

или эта личность охарактеризована еще вѣрнѣе въ извѣстномъ письмѣ Гете къ Гердеру, въ которомъ онъ писалъ: «я благодарилъ судьбу, что она избавила меня отъ встрѣчи съ пророкомъ (Лафатеромъ) въ дорогѣ и Веймарѣ. Можно всегда предъугадать, куда это порожденіе обратитъ свои взоры Его обоняніе обращено всегда, какъ волшебный прутъ, туда, гдѣ находятся сила, положеніе, деньги, вліяніе, талантъ»,—или, наконецъ, не обрисована-ли всего лучше личность Лафатера въ извѣстномъ изреченіи объ немъ Гете въ его глубокой старости, а именно, что Лафатеръ «обманывалъ себя и другихъ». Извѣстно впрочемъ, что Гете далъ Лафатеру и почетное мѣсто въ знаменитомъ интермеццо въ Фаустѣ: «Сонъ въ Вальпургову ночь», подъ именемъ журавля, гдѣ онъ заставляетъ его продекламировать четверостишіе:

«In dem Klaren mag ich gern
Und auch im Trüben fischen,
Darum seht ihr den frommen Herrn
Sich auch mit Teufeln mischen».

Этому Лафатеру, столь полному любви, что даже на заглавномъ листѣ своихъ знаменитыхъ «Физіономическихъ отрывковъ» онъ выставилъ девизъ: «для споспѣшествованія любви къ человѣку» заслуженная слава Мендельсона не давала, повидимому, покоя. Не имѣя, вѣроятно, никакого яснаго понятія о еврействѣ, онъ, повидимому, не могъ себѣ представить, чтобы еврей, столь плодотворно углубившійся въ творенія философовъ всѣхъ временъ, могъ еще дорожить своею религіею, — и какая слава выпала бы на долю Лафатера, еслибы ему, любившему разъигрывать, по выраженію Гете, роль духовнаго кофты, удалось обратить въ господствующую религію прославленнаго нѣмецкаго Платона — Моисея Мендельсона!

Вмѣсто того, чтобы обратиться частнымъ образомъ къ Мендельсону съ предложеніемъ въ этомъ смыслѣ, Лафатеръ, — любившій инсценировать свои дѣйствія съ такимъ шумомъ, что, по выраженію профессора Гримма, онъ «опередилъ на сто лѣтъ современную, самую вульгарную рекламу»,—издаетъ осенью 1769 г. нѣмецкій переводъ послѣдней части «Palingénésie» Женевскаго мыслителя Бонне, содержащей: «Recherches sur les preuves du Christianisme», и посвящаетъ этотъ переводъ Мендельсону, съ печатнымъ, публичнымъ приглашеніемъ «опровергнуть это сочиненіе, или-же, если онъ найдетъ доказательства Бонне вѣрными, поступить на дѣлѣ, согласно съ требованіями разума, любви къ истинѣ и честности, поступить такъ, какъ поступилъ бы Сократъ, еслибы онъ убѣдился въ истинности доказательствъ въ пользу христіанства». Это публичное приглашеніе Мендельсона къ принятію господствующей религіи произвело— по крайней мѣрѣ на словахъ—всеобщее негодованіе въ образованныхъ кругахъ. Всѣ ожидали, какъ Мендельсонъ выпутается изъ этой петли,—большинство, разумѣется, изъ страсти ко всякаго рода пикантнымъ случаямъ и забавнымъ анекдотамъ, и лишь очень немногіе въ надеждѣ, что Мендельсонъ подниметъ, какъ писалъ Николаи къ Гердеру, все это дѣло въ высшую сферу и что это «не останется безъ вліянія и на будущее». Мендельсонъ не оправдалъ однако ожиданій какой бы то ни было стороны Онъ, разумѣется, прежде всего сознавалъ, что сдѣланный ему вызовъ существенно напоминаетъ собою вопросъ о превосходствѣ той или другой религіи, заданный Натану Мудрому султаномъ Саладиномъ, съ тою лишь разницею, что судьею тутъ явился бы не просвѣщенный Саладинъ Лессинговской драмы, а образованная чернь, воспитанная въ враждебныхъ чувствахъ къ евреямъ, и что такимъ образомъ обстоятельный отвѣтъ на вызовъ Лафатера могъ бы причинить горькія непріятности всему его племени. Затѣмъ, среди полученныхъ имъ заявленій о сочувствіи и негодованіи къ поступку Лафатера, Мендельсонъ не могъ не разглядѣть нѣкоторой фальши въ его глазахъ поступокъ Лафатера не представлялъ, разумѣется, существенно новаго явленія, такъ какъ подобный вызовъ въ сущности дѣлался — и еще въ болѣе грубой формѣ—всему его племени въ продолженіе многихъ столѣтій. Наконецъ, Мендельсонъ былъ менѣе всего полемическою натурою,—и еслибы онъ не долженъ былъ бояться, какъ онъ

АКАДЕМ

выразился, что его молчаніе будетъ принято многими за признакъ слабости, то онъ бы вовсе не отвѣтилъ.

Прежде всего Мендельсонъ долженъ былъ позаботиться о цензурной лояльности своего отвѣта, и онъ обратился въ Берлинскую консисторію съ запросомъ, какому изъ членовъ консисторіи онъ долженъ представлять на разсмотрѣніе отдѣльные листы своего отвѣта Лафатеру, или, можетъ быть, ему будетъ разрѣшено представить по отпечатаніи весь свой отвѣтъ на разсмотрѣніе полнаго собранія консисторіи. На этотъ запросъ онъ получилъ вѣчно памятный отвѣтъ, что «г. Моисей Мендельсонъ можетъ печатать свои сочиненія безъ всякаго представленія ихъ для цензуры, въ отдѣльныхъ листахъ или въ цѣлости, потому что его мудрость и скромность вселяютъ убѣжденіе, что онъ не будетъ ничего писать, что могло бы подать поводъ къ публичному соблазну». Здѣсь не мѣсто входить въ подробный анализъ появившагося затѣмъ отвѣта Мендельсона, — но нѣкоторыя мѣста этого отвѣта для насъ въ высшей степени поучительны. «Что могло васъ побудить, спрашиваетъ онъ прежде всего Лафатера, вытащить меня, противъ моего желанія, изъ толпы и поставить меня на публичную арену, которую я всегда такъ тщательно избѣгалъ. И еслибы вы даже приписывали мое стараніе избѣгать этой арены лишь моей робости, то развѣ такая слабость не заслуживаетъ снисхожденія со стороны всякаго любвеобильнаго сердца»? Переходя затѣмъ къ самому предложенію Лафатера, Мендельсонъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ ему, что онъ испытываетъ свою религію не со вчерашняго дня. «Я уже очень рано сознавалъ свою обязанность, пишетъ Мендельсонъ, испытывать свои мнѣнія и дѣйствія, и если я уже съ ранней молодости посвящалъ свои часы досуга и отдыха философіи и литературѣ, то я это дѣлалъ съ единственною цѣлью основательнѣе приготовлять себя къ этому столь важному испытанію моихъ мнѣній. Другихъ побудительныхъ причинъ къ моимъ научнымъ и литературнымъ занятіямъ я не могъ имѣть, потому что въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, какъ еврей, я не долженъ былъ ожидать отъ этихъ занятій никакихъ земныхъ выгодъ, я очень хорошо зналъ, что на этомъ поприщѣ я не могъ бы обезпечить своего существованія. А духовное удовольствіе? О, уважаемый другъ человѣчества, гражданское положеніе, въ которомъ находятся мои

единовѣрцы, такъ далеко отъ свободнаго упражненія духовныхъ силъ, что едва-ли можно увеличивать свой душевный миръ, изучая съ истинной стороны права человѣка. Въ этомъ отношеніи я избѣгаю ближайшихъ разъясненій. кто знаетъ, въ какомъ положеніи мы находимся, и имѣетъ человѣческое сердце, тотъ будетъ чувствовать по этому предмету болѣе, чѣмъ я могу выразить»

«Еслибы поэтому, послѣ столь долгаго изслѣдованія и испытанія, мое рѣшеніе не оказалось бы совершенно въ пользу моей религіи, то я несомнѣнно заявилъ бы это публичнымъ актомъ Я не понимаю, что могло бы привязывать меня къ столь строгой въ исполненіи и столь презираемой со всѣхъ сторонъ религіи, еслибы я въ глубинѣ сердца не былъ убѣжденъ въ ея истинности. Какой бы ни былъ результатъ моихъ изслѣдованій,—еслибы я не познавалъ религіи моихъ отцовъ истинною, то я необходимо долженъ былъ бы оставить ее. Еслибы я при этомъ еще былъ убѣжденъ въ истинности другой религіи, то я считалъ бы самою гнусною низостью не исповѣдывать открыто истины, противъ моего внутренняго убѣжденія. И что могло бы склонять меня къ такой низости? Я уже замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ практическая мудрость, любовь къ истинѣ и честь указали бы мнѣ надлежащую дорогу».

«Еслибы я былъ равнодушенъ ко всѣмъ религіямъ и еслибы я осмѣивалъ и презиралъ въ моемъ сердцѣ всякое Откровеніе, то я бы очень хорошо зналъ, что совѣтуетъ практическая мудрость, когда совѣсть молчитъ Что могло бы удерживать меня? Страхъ передъ моими единовѣрцами? Но ихъ гражданская сила слишкомъ ничтожна, чтобы я долженъ былъ бояться ея. Что-же могло бы удерживать меня: упрямство, лѣнь, привязанность къ пріученнымъ понятіямъ? Такъ какъ я посвятилъ большую часть моей жизни изслѣдованію истины, то, надѣюсь, мнѣ не откажутъ въ достаточной долѣ разсудительности, чтобы не пожертвовать такимъ слабостямъ плодами моихъ изслѣдованій. Вы такимъ образомъ видите, что, безъ глубокаго убѣжденія въ истинности моей религіи, результатъ моихъ изслѣдованій непремѣнно выразился бы въ публичномъ актѣ. Но такъ какъ мои изслѣдованія укрѣпляли меня въ религіи моихъ отцовъ, то я имѣлъ возможность продолжать свой путь въ тиши и не былъ обязанъ отдавать отчетъ въ моихъ убѣжденіяхъ по этому предмету.. Свидѣтельствую передъ Богомъ истины, моимъ

и вашимъ Создателемъ и Хранителемъ, Которымъ вы заклинаете меня въ вашемъ посвященіи, что я останусь при моихъ принципахъ, пока моя душа не приметъ другой природы»!

Весь этотъ отвѣтъ, написанный, какъ выразился наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, «съ тою кротостью и человѣколюбіемъ, какія напередъ можно было ожидать отъ души, столь проникнутой Божественными истинами», произвелъ надлежащее впечатлѣніе, и Лафатеръ, въ которомъ, по словамъ Гримма, «никогда не дремалъ дипломатическій умъ», поспѣшилъ взять назадъ свой вызовъ и публично извиниться въ своемъ поступкѣ.

Неизвѣстная до сихъ поръ рука, недовольная, повидимому, столь мирнымъ и почетнымъ для Мендельсона исходомъ его столкновенія съ Лафатеромъ, помѣстила затѣмъ въ «Іенской ученой газетѣ» часть отчета, представленнаго Лафатеромъ Цюрихской консисторіи послѣ его путешествія 1763 г., а именно ту часть, которая касалась его перваго знакомства съ Мендельсономъ и въ которой религіозныя воззрѣнія Мендельсона представлены были въ самомъ извращенномъ видѣ. Лессингъ, готовившійся тогда наносить самыя серьезныя пораженія ультра-религіозному рвенію и оставшійся, повидимому, не совсѣмъ довольнымъ слишкомъ скромнымъ отвѣтомъ Мендельсона Лафатеру, писалъ по этому поводу Мендельсону: «Что это за новое нападеніе на васъ со стороны Лафатера въ Іенской газетѣ? Пришлите мнѣ, пожалуйста, этотъ номеръ газеты съ первою почтою. Но еще болѣе я васъ прошу, когда вы отвѣтите на это нападеніе, сдѣлайте это со всевозможною свободою, съ всевозможнымъ акцентомъ Вы одни должны и можете такъ говорить и писать въ этомъ дѣлѣ, и вы поэтому безконечно счастливѣе другихъ честныхъ людей, которые могутъ споспѣшествовать разрушенію самаго отвратительнаго построенія безсмыслицы, лишь подъ предлогомъ заново подкрѣплять его основы». Само собою разумѣется, что Мендельсонъ не раздѣлялъ взгляда Лессинга о превосходствѣ его положенія при дискуссіи религіозныхъ вопросовъ, — и онъ поэтому былъ очень счастливъ, когда Лафатеръ съ негодованіемъ отказался въ той-же Іенской газетѣ отъ авторства помѣщенной тамъ бесѣды съ Мендельсономъ.

Столь горькое для Мендельсона столкновеніе съ Лафатеромъ невольно привело его въ столкновеніе и съ Бонне Въ своемъ отвѣтѣ Лафатеру Мендельсонъ, между прочимъ, высказалъ свое удив-

леніе, что Лафатеръ счелъ сочиненіе Бонне достаточнымъ для его убѣжденія, прибавивъ, что онъ читалъ нѣкоторыя апологетическія сочиненія христіанства, принадлежащія нѣмецкимъ авторамъ, которыя разработаны гораздо основательнѣе и болѣе философски, что большая часть гипотезъ Бонне выросла на почвѣ нѣмецкой литературы и что помощью доводовъ Бонне можно защищать и всякую другую религію. Бонне былъ обиженъ этими замѣчаніями Мендельсона, и въ письмѣ къ Мендельсону (отъ 12-го янв 1770 г.), въ которомъ онъ выразилъ ему свое высокое уваженіе, предлагалъ ему свою дружбу и выразилъ свое глубокое сожалѣніе, что онъ сдѣлался невольною причиною его огорченій, — доказавъ при этомъ, приложеніемъ копіи съ своего письма къ Лафатеру, что онъ уже раньше порицалъ поступокъ Лафатера,—Бонне въ то же время просилъ Мендельсона о ближайшемъ разъясненіи основаній къ его отзыву объ его сочиненіи. Мендельсонъ, для котораго всякая кому либо причиненная непріятность составляла предметъ глубочайшаго огорченія, поспѣшилъ засвидѣтельствовать свое глубокое уваженіе къ философскимъ трудамъ Бонне, разъяснилъ ему нѣкоторыя слабыя стороны его доводовъ, равно какъ и возможность защищать этими доводами и другія религіи, и въ тоже время указалъ ему на нахожденіе нѣкоторыхъ его мыслей у Маймонида и даже въ кабаллѣ. Въ этомъ письмѣ Мендельсона къ Бонне встрѣчаются, между прочимъ, и безсмертныя слова: «въ какомъ счастливѣйшемъ мірѣ мы жили бы, еслибы всѣ люди признавали и примѣняли въ практической жизни всѣ тѣ истины, которыя одинаково исповѣдуютъ лучшіе христіане и лучшіе евреи»! Однако-же, высказанное Бонне въ своемъ письмѣ къ Мендельсону, чтобы кто либо не обвинилъ его въ плагіатѣ, на основаніи выраженнаго Мендельсономъ мнѣнія, что большая часть гипотезъ Бонне выросла на нѣмецкой почвѣ, Мендельсонъ поспѣшилъ печатно устранить самымъ категорическимъ образомъ въ своемъ прибавленіи къ отвѣту Лафатеру. Бонне, осыпавшій Мендельсона послѣ этого отвѣта увѣреніями самой беззавѣтной любви, писавшій ему, между прочимъ, что онъ «предпочитаетъ любить Мендельсона, чѣмъ въ чемъ либо побѣждать его», и высказавшій при этомъ даже замѣчательную практическую мысль, а именно «какимъ образомъ честный и миролюбивый христіанинъ можетъ рѣшиться вступить въ публичное состязаніе (по религіознымъ вопросамъ) съ евреемъ, когда этотъ еврей

живетъ подъ покровительствомъ христіанъ», и что «для равенства сторонъ необходимо было бы перенести такой споръ къ Троглодитамъ или въ Австралію»,—этотъ Бонне позволилъ себѣ однако съ Мендельсономъ слѣдующій поступокъ. Немедленно по полученіи замѣчаній Мендельсона, онъ приступилъ къ новому изданію своихъ «Recherches sur les preuves du Christianisme», и въ этомъ изданіи онъ помѣстилъ всѣ замѣчанія, сдѣланныя ему на это сочиненіе Мендельсономъ, какъ свои собственныя, снабдилъ ихъ своими разъясненіями и подписалъ предисловіе къ этому изданію заднимъ числомъ, такъ что выходило, точно Мендельсонъ почерпнулъ всѣ свои замѣчанія у самаго Бонне. Мендельсонъ былъ крайне пораженъ этимъ поступкомъ Бонне. Шарль Бонне не былъ четою Лафатеру: своимъ Traité d'Insectologie онъ обезпечилъ себѣ почетное мѣсто между современными ему естествоиспытателями, а своими Essai de Psychologie, Essai analytique sur les facultés de l'âme и Considérations sur les corps organisés онъ обезпечилъ себѣ навсегда мѣсто въ исторіи человѣческаго мышленія Если поэтому такой человѣкъ могъ позволить себѣ столь коварный поступокъ съ Мендельсономъ, то что Мендельсонъ могъ ожидать отъ многихъ другихъ. Искренній другъ Мендельсона, Николаи писалъ, что, вѣроятно, Бонне думалъ, что съ евреемъ можно позволить себѣ такой поступокъ, а Лессингъ, любившій называть вещи своими настоящими именами, писалъ Мендельсону послѣ ознакомленія съ письмами Бонне. «Бонне мнѣ сталъ столь отвратителенъ, что я не хотѣлъ бы узнать отъ него и истины Я не могъ удержаться, чтобы не разсказать нашему пастору Іерусалиму обстоятельство о помѣщеніи заднимъ числомъ предисловія къ новому изданію сочиненія Бонне, и пасторъ сказалъ нѣсколько разъ: это некрасиво, а я каждый разъ отвѣчалъ пастору это болѣе чѣмъ некрасиво, это—низость. Вы дѣйствительно обязаны разъяснить публично это обстоятельство».

Но Мендельсонъ предпочелъ пока молчать, отложивъ обстоятельный разборъ Palingénésie Бонне на болѣе спокойное время. Мендельсонъ тѣмъ болѣе долженъ былъ рѣшиться молчать, что его столкновеніе съ Лафатеромъ и Бонне стало уже предметомъ самаго оживленнаго дебатированія среди той массы писателей или, какъ ихъ теперь называютъ, газетныхъ публицистовъ, которые, будучи по своему образованію неспособны къ развитію какихъ либо дѣйстви-

тельно плодотворныхъ мыслей, покрываютъ обыкновенно свою неспособность возбужденіемъ по поводу каждаго общественнаго явленія дурныхъ страстей. Со всѣхъ сторонъ летали брошюры противъ Мендельсона; между авторами этихъ брошюръ особенно выдавался Франкфуртскій адвокатъ д-ръ Кельбеле, пытавшійся уже гораздо ранѣе обратить Мендельсона въ господствующую религію. Самъ Лафатеръ устыдился нападковъ Кельбеле на Мендельсона: «ничего болѣе дикаго и площаднаго», писалъ Лафатеръ, «я не читалъ со стороны христіанина, котораго болѣзнь впрочемъ несомнѣнна». Ученые поклонники Мендельсона, искавшіе его дружбы и увѣрявшіе его въ безграничной любви,—кромѣ, разумѣется, Лессинга,—хранили двусмысленное молчаніе. Лишь Галльскій свободомыслящій богословъ Іог. Сал. Землеръ обратился къ Мендельсону съ крайне яснымъ, но сочувственнымъ письмомъ, и еще одинъ неизвѣстный выступилъ съ защитою Мендельсона въ особенной «Промеморіи», въ которой онъ совершено основательно обратился къ богословамъ, падкимъ до прозелитовъ изъ евреевъ, со словами: «вы найдете между христіанами довольно людей, нуждающихся въ вашихъ поученіяхъ, какъ относительно своихъ воззрѣній, такъ и относительно своей жизни; работайте сперва надъ этими людьми, и лишь тогда, когда вы будете совершенно готовы съ ними, объѣзжайте суши и моря, пишите, взывайте и проповѣдуйте, но не ругайтесь, а пріобрѣтайте новыхъ членовъ путемъ убѣжденія; берегитесь только, чтобы не сдѣлать изъ нихъ двойныхъ чадъ ада»!

Все это дѣло нашло себѣ впрочемъ достойный финалъ въ остроумномъ памфлетѣ знаменитаго Геттингенскаго физика Лихтенберга, написанномъ имъ какъ по поводу вызова, сдѣланнаго Лафатеромъ Мендельсону, такъ и по поводу крещенія Лафатеромъ въ концѣ 1770 г. двухъ евреевъ, которое привело Лафатера въ неописанный восторгъ [1]). Въ этомъ памфлетѣ Лихтенбергъ между прочимъ констатируетъ, что «отъ слишкомъ продолжительнаго созерцанія вѣчности [2]) Лафатеръ совершенно испортилъ себѣ глаза для земныхъ горизонтовъ».

[1]) Этотъ памфлетъ Лихтенберга носитъ названіе «Timorus, das ist Vertheidigung zweier Israeliten, die, durch die Kraftigkeit der Lavater'schen Beweisgrunde und der Gottinger Mettwurste bewogen, den wahren Glauben angenommen haben»

[2]) Лафатеръ издалъ тогда свое извѣстное сочиненіе «Aussichten in die Ewigkeit».

Я нѣсколько подробнѣе остановился здѣсь на этомъ эпизодѣ изъ жизни Мендельсона, потому что онъ составляетъ поворотный пунктъ въ этой жизни. Вмѣсто почти исключительныхъ занятій метафизическими вопросами, Мендельсонъ посвящаетъ съ того времени значительную часть своей умственной энергіи вопросамъ, ближе касающимся положенія и культуры своего племени Изложенный эпизодъ играетъ существенную роль въ жизни Мендельсона и потому, что онъ стоилъ ему глубокаго разстройства здоровья въ продолженіе почти семи лѣтъ. Онъ, столь глубоко вѣрившій въ могучую силу духа, былъ до того потрясенъ явленіями, сопровождавшими этотъ эпизодъ его жизни, что вскорѣ сдѣлался жертвою нервной болѣзни, заставлявшей опасаться за его жизнь. Оправившись черезъ два мѣсяца отъ острыхъ припадковъ этой болѣзни, онъ, по настоянію врачей, долженъ былъ надолго отказаться отъ всякихъ умственныхъ занятій и долженъ былъ забавляться, какъ онъ выражался, «считаніемъ черепицъ на крышахъ сосѣднихъ домовъ».

Это нервное потрясеніе Мендельсона менѣе всего могло быть поправлено случаемъ его избранія въ члены Берлинской Академіи Наукъ Уже 17-го февр 1771 г. знаменитый тогда академикъ Іог. Георгъ Зульцеръ оффиціально извѣстилъ Мендельсона объ этомъ избраніи,—но утвержденіе короля заставляло себя долго ждать. Наконецъ Фридрихъ Великій приказалъ Академіи выработывать съ большею тщательностью представляемые ему акты и предложить ему новыхъ кандидатовъ на званіе членовъ Академіи. Академія имѣла достаточно мужества, что, преимущественно по настоянію Зульцера и Меріана, она помѣстила Мендельсона и въ новомъ спискѣ кандидатовъ, — но тогда король самъ вычеркнулъ имя Мендельсона изъ этого списка. Это неутвержденіе Мендельсона вызвало всеобщее негодованіе среди серьезныхъ людей, и знаменитый Геттингенскій математикъ и философъ Кестнеръ. не принадлежавшій впрочемъ къ поклонникамъ Мендельсоновскаго Федона, выразилъ это негодованіе въ столь ядовитомъ для короля и столь почетномъ для Мендельсона четверостишіи

Ein neuer Dionys rief von der Seine Strande
Sophistenschwarme her fur seinen Unterricht,
Ein Plato lebt in seinem Lande,
Und diesen kennt er nicht!

Съ своей стороны Мендельсонъ совершенно спокойно отнесся къ этому неутвержденію его членомъ Академіи,—онъ даже самъ удивлялся, какъ Берлинская Академія могла думать объ избраніи еврея въ число своихъ членовъ, при столь тягостномъ общемъ положеніи евреевъ въ странѣ Съ замѣчательною прозорливостью онъ писалъ впослѣдствіи (1784 г.) по этому поводу своему другу Герцу Гомбергу, по случаю неутвержденія послѣдняго императоромъ Іосифомъ въ званіи коррепетитора въ Вѣнѣ: «Но и самые сильные міра сего не должны утомить насъ! Чѣмъ больше трудностей, тѣмъ больше мы должны напрягать наши силы Больше и больше людей должно появиться среди насъ,—людей, отличающихся безъ шума и оказывающихъ заслуги, не заявляя своихъ притязаній. »

Для многихъ апологетовъ Фридриха Великаго это неутвержденіе Мендельсона составляло камень преткновенія и они старались отыскать разныя посторонніе причины этому факту, находя ихъ то въ нерасположеніи короля къ Мендельсону за его неуважительное отношеніе къ Вольтеру и нѣкоторымъ французскимъ академикамъ, то будто въ злопамятствѣ короля по поводу довольно рѣзкой рецензіи Мендельсона на его «Poésies diverses», и пр Несомнѣнно одно, что причиною этому, какъ писалъ самъ Мендельсонъ, не была религіозная ненависть Великій монархъ, начертивший на своемъ знамени безусловную вѣротерпимость, высказавшій въ концѣ своей исторіи Бранденбурга знаменитый принципъ: «ложное рвеніе къ религіи—тиранъ, опустошающій страны, между тѣмъ какъ терпимость—нѣжная мать, лелеящая страны и дѣлающая ихъ цвѣтущими», — великій монархъ, обнаруживавшій во многихъ отношеніяхъ замѣчательную умѣренность въ дѣлахъ религіи, какъ это, между прочимъ, видно изъ его изреченія относительно Людовика XV: «когда хочешь быть наихристіаннѣйшимъ, то очень трудно быть наиразумнѣйшимъ», — монархъ, относившійся даже во многихъ случаяхъ съ явнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ религіи, какъ это, между прочимъ, видно изъ его рѣшенія по вопросу о книгѣ духовныхъ пѣсней, въ которомъ онъ писалъ: «каждый можетъ у меня вѣрить что ему угодно, если онъ только честенъ, а что касается духовныхъ пѣсней, то каждый можетъ пѣть: теперь покоятся всѣ лѣса или подобныя глупости»,—словомъ, Фридрихъ Великій, соединившійся даже столь

интимно съ Вольтеромъ для осуществленія извѣстной формулы «écraser l'infame» разумѣется, не могъ имѣть никакой религіозной ненависти къ евреямъ. Но если въ новѣйшее время нѣкоторые выставляли на видъ, съ враждебною противъ евреевъ цѣлью, принципы, которымъ Фридрихъ Великій слѣдовалъ по отношенію къ евреямъ, то на это необходимо замѣтить, что съ такимъ-же правомъ можно было бы защищать и сохраненіе шпицрутеновъ въ арміи, такъ какъ Фридрихъ Великій не могъ представить себѣ арміи безъ шпицрутеновъ, или сохраненіе частыхъ тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, потому что безъ нихъ Фридрихъ Великій,—уничтоживший, правда, пытку,—не могъ представить себѣ тюремъ. Въ отношеніяхъ Фридриха Великаго къ евреямъ и спеціально къ Мендельсону сказалась просто сила привычки,—точнѣе говоря, тутъ всего яснѣе подтвердилась та, столь часто непонятая, истина, что сознавать вѣковые предразсудки и быть дѣйствительно свободнымъ отъ нихъ суть двѣ различныя вещи,—истина, которую Лессингъ столь краснорѣчиво вложилъ въ уста своего храмоваго рыцаря:

Der Aberglaube, in dem wir aufgewachsen,
Verliert, auch wenn wir ihn erkennen, darum
Doch seine Macht nicht uber uns — Es sind
Nicht alle frei, die ihrer Ketten spotten

Мы не можемъ сопровождать здѣсь Мендельсона во всѣхъ перипетіяхъ его болѣзненнаго состоянія, заставлявшаго его предпринять и нѣкоторыя путешествія для поправленія своего здоровья. Мы должны здѣсь остановиться на первомъ новомъ плодотворномъ проявленіи его умственной дѣятельности. Такимъ новымъ проявленіемъ умственной энергіи Мендельсона представляется его нѣмецкій переводъ Пятикнижія, снабженный имъ обширными предисловіями и еврейскимъ комментаріемъ, составленнымъ его единомышленниками Соломономъ Дубно (къ I-ой кн. Моисея), Нафтали-Герцомъ Вайзелемъ (къ III-ей кн. Моисея), Арономъ Ярославомъ (къ IV-ой кн. Моисея) и Герцомъ Гомбергомъ (къ V-ой кн. Моисея). Первоначально Мендельсонъ составилъ свой переводъ Пятикнижія исключительно для своихъ дѣтей и мысль объ изданіи этого перевода принадлежитъ всецѣло Соломону Дубно, который познакомился съ этимъ переводомъ во время уроковъ еврейской грамматики, которые онъ давалъ дѣтямъ Мендельсона. По настоянію Соломона Дубно, Мен-

дельсонъ сначала согласился на изданіе перевода безъ своего имени, но затѣмъ уже, по настоятельнымъ требованіямъ того-же Соломона Дубно, онъ согласился выставить на переводѣ и свое имя. Предоставивъ всѣ матеріальныя выгоды отъ этого изданія своимъ сотрудникамъ, Мендельсонъ поставилъ имъ лишь одно условіе, а именно, чтобы переводъ былъ снабженъ еврейскимъ комментаріемъ, въ которомъ были бы изложены основанія его перевода каждаго стиха, вмѣстѣ съ краткими поясненіями толкованій знаменитыхъ еврейскихъ комментаторовъ, особенно Раши (рабби Соломона Ицхаки), его внука Рашбама (рабби Самуила бенъ-Меира), рабби Абрама бенъ-Эзры, Рамбана, равно какъ и лексикологическихъ замѣчаній рабби Давида Кимхи. Для образца Мендельсонъ самъ обработалъ комментарій къ первымъ главамъ I-ой кн. Моисея Къ сожалѣнію, послѣ изданія I-ой кн Моисея, Соломонъ Дубно, предававшійся съ такимъ рвеніемъ исполненію своей задачи, что буквально забывалъ про ѣду и питье,—настоящая душа, писалъ онъ, пренебрегаетъ такими вещами! — оставилъ Мендельсона, и онъ долженъ былъ искать себѣ другихъ сотрудниковъ для комментарія Пока онъ нашелъ такихъ сотрудниковъ въ лицѣ названныхъ уже нами Вайзеля, Ярослава и Гомберга, онъ самъ составилъ комментарій къ II-ой кн Моисея, и этому обстоятельству мы обязаны его замѣчательнымъ изложеніемъ о духѣ и формахъ еврейской поэзіи, предпосланнымъ его комментарію къ XV-ой гл. II-ой кн. Моисея, содержащей пѣсню Моисея по поводу перехода евреевъ черезъ Чермное море

Это изданіе Пятикнижія Мендельсона, встрѣченное съ восторгомъ и многими ортодоксальными раввинами, какъ Берлинскимъ раввиномъ рабби Гиршелемъ Левиномъ и его сыномъ рабби Сауломъ, раввиномъ во Франкфуртѣ на Одерѣ, вызвало однако цѣлую бурю со стороны нѣкоторыхъ псевдо-ортодоксальныхъ раввиновъ, преимущественно въ Альтонѣ, Прагѣ и Фиртѣ. Трудно впрочемъ рѣшить, что собственно побуждало этихъ псевдо-ортодоксовъ къ изверженію громовъ ложнаго религіознаго увлеченія противъ изданія Библіи Мендельсона,—побудило-ли ихъ къ этому, какъ многіе полагали, то обстоятельство, что Мендельсонъ и его сотрудники не испрашивали прежде ихъ одобренія на это изданіе, или то обстоятельство, что въ предисловіи къ этому изданію Мендельсонъ позволилъ себѣ указать на

труды христіанскихъ ученыхъ по истолкованію Библіи, особенно на введеніе къ книгамъ Ветхаго Завѣта знаменитаго христіанскаго богослова Эйхгорна, или, наконецъ, можетъ быть, то обстоятельство, что почти одновременно съ появленіемъ перевода I-ой кн Моисея, напечатаннаго еврейскими буквами, появилось изданіе этой-же книги Моисея съ переводомъ Мендельсона, напечатаннымъ нѣмецкими буквами, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ извлеченіемъ изъ еврейскаго комментарія. Напрасно было бы впрочемъ искать теперь точное рѣшеніе этого вопроса: сущность ложнаго религіознаго фанатизма и заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ не оперируетъ съ опредѣленными понятіями, а увлекается призраками, которымъ онъ самъ не можетъ дать точнаго опредѣленія, а еще менѣе вывести ихъ съ логическою послѣдовательностью изъ незыблемыхъ основъ религіи. Одностороннее религіозное увлеченіе, развившееся въ средніе вѣка среди евреевъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ и безпримѣрныхъ въ исторіи несчастій, проявилось уже въ самой рѣзкой формѣ въ анаѳемѣ провозглашенной еще въ 1232 г. Соломономъ бенъ-Аврамомъ и его приверженцами противъ философскихъ сочиненій Маймонида, и въ страстномъ преслѣдованіи этихъ сочиненій,—преслѣдованіи, не отступившемся даже отъ привлеченія доминиканскихъ монаховъ въ судьи еврейской правовѣрности и добившемся наконецъ публичнаго сожженія этими монахами сочиненій Маймонида въ Монпелье и Парижѣ; но буря, поднявшаяся противъ изданія Библіи Мендельсона, можетъ быть признана послѣднимъ проявленіемъ этого псевдо-ортодоксальнаго духа преслѣдованія. Благодаря своему вліянію въ Копенгагенѣ и Вѣнѣ, Мендельсонъ имѣлъ полную возможность остановить ревностный пылъ своихъ противниковъ, — но онъ напротивъ того настаивалъ на предоставленіи полной свободы всякимъ проявленіямъ ихъ псевдо-ортодоксальнаго увлеченія. Онъ, разумѣется, лучше всѣхъ понималъ, что на почвѣ іудейства, съ его чистымъ монотеизмомъ, съ его отсутствіемъ символовъ и таинствъ и его требованіемъ непосредственнаго оправданія человѣка передъ Богомъ, вовсе не можетъ быть мѣста различнымъ религіознымъ толкамъ относительно основныхъ религіозныхъ представленій, — и онъ не могъ не видѣть въ псевдо-ортодоксальномъ рвеніи своихъ противниковъ лишь плодъ глубокихъ внѣшнихъ несчастій и независѣвшаго отъ евреевъ крайняго застоя соковъ ихъ духовной дѣятельности. Онъ поэтому очень

хорошо понималъ, что коль скоро еврейство получитъ возможность свободнаго упражненія своихъ духовныхъ силъ, коль скоро въ духовную атмосферу евреевъ проникнетъ струя свѣжаго воздуха, то это псевдо-ортодоксальное рвеніе уляжется само собою Вслѣдъ за появленіемъ перевода Пятикнижія, появился и его переводъ Псалмовъ, представлявшій, по его собственнымъ словамъ, «плодъ десятилѣтняго труда, усладившаго ему нѣкоторыя страданія», и лишь по смерти его появился еще его переводъ Пѣсни Пѣсней, съ еврейскимъ комментаріемъ Іоэля Леве и Арона Вольфсона

Изложить вліяніе, которое имѣло изданіе Библіи Мендельсона на всю умственную жизнь евреевъ, преимущественно-же на воспитаніе юношества, значило бы написать исторію умственной жизни евреевъ за послѣдніе 100 лѣтъ: какъ свѣжій источникъ это изданіе Библіи подѣйствовало на всю умственную атмосферу евреевъ и ручьи этого источника продолжаютъ свое живительное дѣйствіе и понынѣ.

Среди своихъ сложныхъ занятій по изданію Библіи, Мендельсонъ вынужденъ былъ выступить и прямо въ защиту еврейства и евреевъ. Эльзасскіе евреи обратились къ Мендельсону съ просьбою выработать для нихъ меморію объ ихъ тягостномъ положеніи, для представленія французскому правительству. Мендельсонъ, находивший болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы въ защиту евреевъ выступали благомыслящіе христіане, побудилъ къ этой работѣ просвѣщеннаго публициста и профессора ф. Дома, приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ Фридрихомъ Великимъ въ качествѣ тайнаго архиварія и военнаго совѣтника въ Берлинское министерство иностранныхъ дѣлъ. Плодомъ занятій ф. Дома изученіемъ положенія евреевъ появилось его знаменитое сочиненіе «О гражданскомъ улучшеніи евреевъ» (1781 г.), въ которомъ онъ съ замѣчательною обстоятельностью доказываетъ всю несостоятельность доводовъ противъ освобожденія евреевъ, представляетъ всѣ жалобы противъ евреевъ, даже при допущеніи ихъ вѣрности, лишь плодомъ историческихъ судебъ евреевъ и предлагаетъ, какъ единственное средство для устраненія этихъ жалобъ полное гражданское освобожденіе евреевъ. Доказывая, что «принципы исключенія евреевъ, одинаково противурѣчивые человѣколюбію и политикѣ и носящіе на себѣ печать темныхъ вѣковъ, недостойны просвѣщеннаго вѣка», ф. Домъ рѣшается

даже «поздравить государство», которое подастъ первый примѣръ осуществленія на практикѣ изложенныхъ имъ принциповъ справедливости и здравой политики. Нечего и прибавить, что сочиненіе ф. Дома вызвало множество опроверженій, въ которыхъ противъ его доводовъ выведены были самыя заржавѣлыя орудія среднихъ вѣковъ. Мендельсонъ счелъ тогда полезнымъ выпустить въ нѣмецкомъ переводѣ знаменитое сочиненіе «Спасеніе евреевъ», представленное Амстердамскимъ раввиномъ рабби Менассе бенъ-Израилемъ лорду-протектору Кромвеллю и англійскому парламенту, съ цѣлью добиться разрѣшенія на поселеніе евреевъ въ Англіи, въ чемъ, какъ извѣстно, онъ дѣйствительно успѣлъ. Мендельсонъ снабдилъ переводъ этого сочиненія, сдѣланный д-ромъ Герцомъ, обширнымъ предисловіемъ. Въ этомъ предисловіи Мендельсонъ, выражая свою радость, что «нельзя защищать правъ человѣка, не защищая въ тоже время правъ евреевъ», старается преимущественно обезсилить ходячія обвиненія противъ евреевъ, причемъ онъ тонко замѣчаетъ: «Замѣчательно, какъ предразсудокъ принимаетъ формы всѣхъ вѣковъ, съ цѣлью угнетать насъ и воспрепятствовать нашему освобожденію Въ самые суевѣрные вѣка для этой цѣли служили святыни, которыя мы будто оскверняли, дѣти, которыхъ мы будто обрѣзывали и терзали, христіанская кровь, которая намъ будто нужна для пасхи, колодцы, которые мы будто отравляемъ,. . невѣріе, упрямство и колдовство; за все это насъ мучили, лишали достоянія, часто и жизни. Теперь времена измѣнились и исчисленныя клеветы не производятъ болѣе желаннаго дѣйствія Для исключенія насъ изъ числа полноправныхъ гражданъ, теперь насъ обвиняютъ въ предразсудкахъ и суевѣріи, въ недостаткѣ нравственныхъ чувствъ, вкуса и тонкихъ нравовъ, въ неспособности къ искусствамъ, наукамъ и полезнымъ ремесламъ, особенно-же къ военной и государственной службѣ, въ непреодолимой склонности къ мошенничеству, ростовщичеству и беззаконности. Прежде много трудились надъ нами, чтобы обратить насъ не въ полезныхъ гражданъ, а въ христіанъ, и такъ какъ эти попытки не удавались, то это было сочтено достаточною причиною признать насъ безполезнымъ бременемъ земли и приписать намъ всѣ ужасы характера, которые могли бы вызвать къ намъ вражду и презрѣніе всѣхъ людей. Нынѣ рвеніе къ обращенію насъ въ господствующую религію уменьшилось... Продолжаютъ удалять насъ отъ

ремеслъ, наукъ и многихъ другихъ полезныхъ занятій, продолжаютъ запирать намъ пути къ полезному усовершенствованію и выставляютъ недостатокъ культуры, какъ причину нашего дальнѣйшаго угнетенія. Связываютъ намъ руки и упрекаютъ насъ, что мы не пользуемся ими». Указывая затѣмъ на процвѣтаніе Голландіи, особенно Амстердама, гдѣ евреи уже тогда жили въ весьма значительномъ числѣ, Мендельсонъ замѣчаетъ: «Почему здѣсь, на неплодоносной почвѣ, даже на необитаемомъ отъ природы болотѣ, скопилось столько людей, которые своимъ прилежаніемъ и искусствомъ превращаютъ пустынное болото въ благословенный садъ и созидаютъ себѣ источники существованія, вызывающіе наше удивленіе? Все это лишь плоды свободы движенія и дѣятельности, кротости правительства, справедливости законовъ, защищающихъ одинаково людей всякаго рода, независимо отъ ихъ одѣянія, обычаевъ, правовъ и религіи» ..

Слѣдующимъ затѣмъ разъясненіемъ всей ложности принципа, по которому одни непосредственные производители цѣнностей суть полезные члены государства,—принципа, ведущаго къ признанію полезными членами государства лишь однихъ непосредственныхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ,—Мендельсонъ подкрѣпляетъ общее положеніе, что «говорить о цѣломъ классѣ людей, безполезномъ для государства, недостойно государственнаго человѣка» и что, «если, при какомъ либо строѣ государства, цѣлый классъ людей становится вреднымъ, то вина этому лежитъ всегда въ законодательствѣ или управленіи».

Это предисловіе Мендельсона вызвало массу возраженій, и Мендельсонъ рѣшился изложить свои основныя воззрѣнія о еврейской религіи и объ отношеніи къ ней государства, равно какъ и вообще объ отношеніи государства къ религіи, въ особенномъ систематическомъ сочиненіи, которое и вышло въ 1783 г., подъ заглавіемъ «Іерусалимъ». Такая защита еврейства съ этической и государственно-философской точки зрѣнія, какую представляетъ собою Іерусалимъ Мендельсона, была тогда неслыханнымъ явленіемъ въ Германіи; еще болѣе неслыханнымъ явленіемъ была защита еврейства, въ связи съ философскимъ разсмотрѣніемъ самой сущности отношеній государства къ институту религіи вообще. Изложеніе-же

духа еврейства, въ смыслѣ полной свободы мнѣній, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ фундаментальныхъ основъ,—при требованіи впрочемъ полной опредѣленности въ дѣйствіяхъ, — показалось тогда неслыханнымъ явленіемъ и для многихъ евреевъ. Всѣхъ мыслящихъ христіанъ глубоко поразило, что столь поруганное и оклеветанное еврейство съумѣло взлелѣять такую жизненность въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ, что эти бродячія тѣни, какими сдѣлались тогда евреи, благодаря безпрерывнымъ вѣковымъ гоненіямъ, съумѣли сохранить такую жизнеспособную пластичность въ самыхъ основахъ своихъ религіозныхъ вѣрованій Кантъ, считавшій по свидѣтельству Якоби, Іерусалимъ Мендельсона «неопровержимымъ сочиненіемъ», писалъ Мендельсону вскорѣ послѣ его появленія: «Я считаю вашъ Іерусалимъ провозвѣстникомъ великой реформы, имѣющей, правда, совершаться медленно, эта реформа коснется не только вашего племени, но и другихъ. Вы съумѣли связать вашу религію съ такою неожиданною для многихъ степенью свободы совѣсти, какою не можетъ хвалиться никакое другое исповѣданіе. Въ тоже время вы столь основательно и ясно разъяснили необходимость неограниченной свободы совѣсти для каждой религіи, что и наша церковь должна будетъ наконецъ подумать о выдѣленіи изъ себя всего, что можетъ удручать и угнетать совѣсть». Не съ такимъ безусловнымъ признаніемъ отнесся къ Мендельсоновскому Іерусалиму Гердеръ, хотя и онъ въ письмѣ къ Мендельсону свидѣтельствовалъ о «глубокомъ участіи», съ которымъ онъ изучалъ это сочиненіе «душою и сердцемъ», и выразилъ сожалѣніе по поводу разныхъ поднятыхъ противъ него «интригъ» Обыкновенные-же литературные ремесленники нашли въ Іерусалимѣ удобный случай для самыхъ низкихъ нападокъ на Мендельсона и евреевъ, и между тѣмъ какъ одни находили, что Мендельсонъ является въ этомъ сочиненіи натуралистомъ, другіе находили, что онъ является тутъ закоренѣлымъ евреемъ. Во главѣ нападавшихъ стоялъ впрочемъ и знаменитый сѣверный магъ Іог. Георгъ Гаманъ, поднявшійся, по его собственному свидѣтельству, къ религіознымъ медитаціямъ изъ самой глубины разврата и котораго, можетъ быть, всѣхъ вѣрнѣе охарактеризовалъ его прежній благодѣтель Берепсъ въ Ригѣ, назвавъ его «смѣсью великаго духа и жалкаго дурака» Гаманъ, неоднократно увѣрявшій Мендельсона въ любви и высокомъ уваженіи и бывшій съ нимъ, строго говоря,

только одинъ разъ въ совершенно ясныхъ отношеніяхъ, а именно, когда онъ занялъ у него деньги, крайне удрученный затѣмъ пораженіемъ Лафатера по случаю его вызова Мендельсону [1]),—этотъ Гаманъ, съ своими мистическими воззрѣніями, плѣнявшими кругъ кн. Голицыной въ Мюнстерѣ, не могъ, разумѣется, не питать глубокой ненависти къ сочиненію, излагающему сущность религіи въ ясныхъ логическихъ построеніяхъ, съ требованіемъ полной свободы мысли и совѣсти. «Мучимый въ то время», какъ онъ самъ писалъ, «сыпью, нарывами и, при недостаткѣ движенія, очень сильнымъ аппетитомъ», онъ написалъ противъ Мендельсона свое «Golgatha u. Scheblimini», гдѣ онъ обнаруживаетъ самую низкую вражду къ автору Іерусалима [2]).

Но Мендельсонъ уже стоялъ тогда слишкомъ высоко, чтобы его сочиненію могли повредить крики рецензентовъ, – и Іерусалимъ Мендельсона, вызвавшій среди евреевъ новое углубленіе въ сущность своей религіи, далъ въ тоже время защитникамъ правъ человѣка новое, могучее орудіе для защиты правъ евреевъ Не даромъ Мирабо высказалъ, что «Іерусалимъ Мендельсона заслуживаетъ быть переведеннымъ на всѣ европейскіе языки»: могучій ораторъ и практическій государственный человѣкъ понималъ, какой обильный источникъ представляетъ это сочиненіе для разрѣшенія многихъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ...

Среди борьбы и горечи, пережитой въ послѣдніе годы своей жизни, Мендельсону посчастливилось впрочемъ пережить и великую радость—появленіе «Натана Мудраго» Лессинга,—драмы, которую знаменитый нѣмецкій поэтъ Авг. ф. Платенъ столь мѣтко охарактеризовалъ стихами:

> Hier ist alles Charakter und Geist und der edelsten Menschheit
> Bild, und die Götter vergeh'n vor dem alleinigen Gott.

---

[1]) Еще восемь лѣтъ послѣ столкновенія Мендельсона съ Лафатеромъ, Гаманъ писалъ своему «сердечному брату» Лафатеру «Исходъ показалъ, что такой человѣкъ, какъ Мендельсонъ, имѣющій за себя Моисея и пророковъ, долженъ быть сильнѣе вашего Бонне, поэтому немудрено, что вы не могли выйти изъ всего этого дѣла такъ чисто, какъ вашъ противникъ».

[2]) Впослѣдствіи впрочемъ Гаманъ раскаялся въ этомъ поступкѣ и, какъ онъ писалъ Якоби, собирался даже написать Мендельсону, что его «Golgotha» относилось болѣе къ Берлинцамъ вообще, чѣмъ къ Мендельсону.

Извѣстно, что Лессингъ предпринялъ эту драму съ цѣлью «ударить во флангъ непріятеля» и въ надеждѣ, что ему дадутъ еще «свободно проповѣдывать на его старой кафедрѣ—на подмосткахъ театра», — но едва-ли кто замѣтитъ въ этомъ величественномъ «драматическомъ стихотвореніи» мотивы его возникновенія. Для Мендельсона эта драма представляла «величественную хвалебную пѣснь Провидѣнію», и впослѣдствіи онъ писалъ по ея поводу Карлу Лессингу: «я не могу себѣ даже представить произведенія духа, которое стояло бы настолько-же выше Натана, насколько эта драма въ моихъ глазахъ выше всего, что Лессингъ писалъ до сихъ поръ»; несомнѣнно, что по поводу этой-же драмы онъ впослѣдствіи написалъ глубоко прочувствованныя слова: «благословляю всеблагое Провидѣніе, что оно дало мнѣ возможность дожить до того счастливаго времени, когда права человѣка начинаютъ быть поняты въ ихъ истинномъ объемѣ» [1]).

Нѣмецкая критика до сихъ поръ пережевываетъ на различные лады вопросъ, желалъ-ли Лессингъ, какъ многіе полагали, представить въ лицѣ Натана своего друга Мендельсона? Въ этой формѣ этотъ вопросъ несомнѣнно совершенно праздный и противурѣчитъ сущности поэтическаго творчества. Этотъ вопросъ, мнѣ кажется, необходимо формулировать въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, а именно: могъ-ли Лессингъ, созидая своего Натана, не думать при этомъ часто о своемъ другѣ Мендельсонѣ? Говоря ближе къ дѣлу, могъ-ли Лессингъ, имѣвшій въ виду при созданіи патріарха въ этой драмѣ дѣйствительную историческую личность, Іерусалимскаго іерарха Ираклія, — причемъ Лессингъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ только сожалѣетъ, что въ его драмѣ этотъ іерархъ пред-

[1]) Какъ извѣстно, основную идею этой драмы — параболу о трехъ кольцахъ Лессингъ заимствовалъ изъ Декамерона Бокаччіо (день I, разсказъ III), на это онъ самъ указываетъ въ письмѣ къ своему брату Карлу (отъ 11-го авг. 1788 г.). Въ нѣсколько иномъ видѣ эта парабола встрѣчается однако въ двухъ болѣе старинныхъ итальянскихъ сочиненіяхъ, а именно въ романѣ Бузона L'Avventuroso Cicilıano и въ сборникѣ разсказовъ Cento Novelle. Въ настоящее время не можетъ подлежать сомнѣнію, что самую первоначальную форму этой параболы содержитъ еврейское сочиненіе Шебетъ-Іегуда рабби Соломона ибнъ Верги, такъ что въ итальянскихъ источникахъ эта парабола представляетъ лишь варіаціи на ея первоначальную форму въ еврейскомъ источникѣ См. ст. Вюпше по этому предмету въ Lessing-Mendelssohn Gedenkbuch, Leipz. 1879, стр. 329 и слѣд.

ставленъ далеко лучше, чѣмъ какимъ онъ былъ въ дѣйствительности,— могъ-ли Лессингъ, несомнѣнно имѣвшій въ виду при созданіи этого патріарха и своего главнаго противника, Гамбургскаго главнаго пастора Мельхіора Гетце,—какъ это видно изъ совершенно неподходящей ко времени дѣйствія драмы замѣтки патріарха о театрѣ или изъ приглашенія свѣтской власти въ защиту противъ безвѣрія,—могъ-ли при всемъ этомъ Лессингъ не думать о Мендельсонѣ при созданіи своего Натана? Этотъ вопросъ мы можемъ задать еще съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ въ невозможности его отрицательнаго рѣшенія, если вспомнимъ, что моделью для дервиша Аль-Гафи, какъ мы знаемъ изъ письма Цельтера къ Гете, дѣйствительно служилъ Лессингу еврейскій математикъ Абрамъ, человѣкъ чисто Діогеновскаго пошиба, долго жившій въ домѣ Мендельсона, гдѣ Лессингъ и имѣлъ случай познакомиться съ нимъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы впрочемъ находимъ во многихъ мѣстахъ самой драмы. Такъ напр., когда храмовой рыцарь восклицаетъ:

Welch' ein Jude!
Und der so ganz nur Jude scheinen will!—

то кто не узнаетъ въ этой характеристикѣ Моисея Мендельсона? Или, когда мы читаемъ слова Натана въ діалогѣ съ храмовымъ рыцаремъ:

Sind Christ und Jude eher Christ und Jude
Als Mensch? Ach, wenn ich einen mehr in Euch
Gefunden hatte, dem es genugt, ein Mensch
Zu heissen!—

или въ его діалогѣ съ послушникомъ:

Wohl uns! Denn was
Mich Euch zum Christen macht, das macht Euch mir
Zum Juden!—

то кто не узнаетъ въ этихъ словахъ приведеннаго нами мѣста изъ письма Мендельсона къ Бонне или подобнаго мѣста изъ его письма къ Лафатеру?

Въ одномъ отношеніи впрочемъ Лессингъ и Мендельсонъ одинаково ошибались относительно судьбы и дѣйствія этого «евангелія вѣротерпимости», какъ назвалъ эту драму знаменитый Іенскій историкъ церкви К. Газе. Если Лессингъ думалъ, что «богословы

будутъ, конечно, внутренно поносить эту драму, но побоятся выступить противъ нея публично», и если Мендельсонъ думалъ, что эта драма «опередила свой вѣкъ болѣе, чѣмъ на одно поколѣніе», то дѣйствительность показала, что профессіональные западные богословы выступали открыто противъ этой драмы даже ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ ея появленія, и что завѣтъ, запечатлѣнный въ ней, далеко еще не сдѣлался общимъ достояніемъ и черезъ три поколѣнія, не смотря даже на призывъ Гете: «да напоминаетъ на вѣчныя времена нѣмецкой публикѣ счастливо представленный на сценѣ разсказъ Натана (о трехъ кольцахъ), что она призвана не только глядѣть, но и внимать и вникать! И да останется святымъ и драгоцѣннымъ всей націи высказанное въ этомъ разсказѣ чувство терпимости и снисхожденія»! Какъ показалъ опытъ, такая драма какъ Натанъ,—содержащая въ себѣ, по словамъ Гердера, «богатый вѣнокъ возвышеннѣйшихъ поученій», въ которой «всѣ напоминаютъ намъ самое высшее слово чистѣйшей судьбы люди различныхъ нравовъ, мнѣній и характеровъ, помогайте другъ другу, будьте людьми»,—требуетъ гораздо болѣе времени для полнаго прониканія въ умственную атмосферу даже образованнаго меньшинства! Это положеніе прекрасно выражено Фр. Вильг. Шлегелемъ:

«Es wird das neue Evangelium kommen»,—
So sagte Lessing, doch die blode Rotte
Gewahrte nicht der aufgeschlossnen Pforte ..

Появленіе Натана Мудраго, встрѣченное съ восторгомъ Гердеромъ, Глеймомъ и ихъ единомышленниками, вызвало однако во многихъ глубокое негодованіе. Даже Кантъ принялъ эту драму лишь за продолженіе Лессинговской драмы «Евреи» (что́ впрочемъ въ извѣстномъ смыслѣ справедливо!) и «не могъ выносить героя изъ этого народа», что́ вызвало замѣчаніе Гамана въ письмѣ къ Гердеру: «такъ божественно строга наша философія въ ея предразсудкахъ, при всей ея терпимости и всемъ ея безпристрастіи!» Но если Кантъ прямо высказался противъ этой драмы, то обыкновенная интрига, говоря словами Мендельсона, «стала проникать, послѣ появленія этой драмы, изъ кабинетовъ ученыхъ и книжныхъ лавокъ въ частные дома друзей и знакомыхъ Лессинга, и шептала каждому на ухо, что Лессингъ опозорилъ христіанство». «Каждый принималъ

за личное оскорбленіе, говоритъ далѣе Мендельсонъ, всякій упрекъ въ самомнѣніи и одностороннемъ мышленіи, который Лессингъ дѣлалъ—или заставлялъ дѣлать лицъ своей драмы — своимъ единовѣрцамъ. Всюду пріятный другъ и знакомый, сталъ встрѣчать во многихъ мѣстахъ сухія выраженія лица, морозные взгляды, холодныя встрѣчи и радостные проводы. .»

Въ концѣ декабря 1780 г. Мендельсонъ получилъ отъ Лессинга письмо, полное самаго глубокаго разочарованія. Заявляя, что онъ еще до сихъ поръ «разжевываетъ послѣднее письмо Мендельсона», онъ прибавляетъ: «Дѣйствительно, дорогой другъ, мнѣ крайне нужны отъ времени до времени такія письма, для того чтобы не стать совершенно угрюмымъ. Я не думаю, чтобы вы знали меня за человѣка, жаднаго до похвалъ Но холодность, съ которою свѣтъ обыкновенно свидѣтельствуетъ извѣстнымъ людямъ, что они ничѣмъ не могутъ ему угодить,—если эта холодность и не смертельна, то по крайней мѣрѣ она производитъ оцѣпеняющее дѣйствіе Меня вовсе не удивляетъ, что вамъ не нравится многое, что я писалъ въ послѣднее время; вамъ собственно ничто не должно было бы нравиться, потому что все это было писано не для васъ. Въ лучшемъ случаѣ та или другая страница могла вызвать въ васъ вспоминаніе о нашихъ лучшихъ дняхъ. И я былъ тогда здоровымъ, стройнымъ деревцомъ, а теперь сталъ гнилымъ, суковатымъ стволомъ. Ахъ, дорогой другъ, эта сцена кончена! Правда, страстно я желалъ бы еще разъ побесѣдовать съ вами». Мендельсонъ, конечно, не могъ догадаться, что это было послѣднее письмо отъ его незамѣнимаго друга· 15-о февраля 1781 г. Лессинга не стало! Черезъ нѣсколько дней Мендельсонъ написалъ свой замѣчательный призывъ къ Карлу Лессингу по поводу этой «утраты и глубокаго пораженія для нашего сердца». Затѣмъ онъ сталъ готовиться воздвигнуть памятникъ своему усопшему другу въ характеристикѣ преимущественно его личности,—характеристикѣ, къ которой, конечно, никто не былъ такъ способенъ, какъ Мендельсонъ, — единственный человѣкъ, котораго, по справедливому замѣчанію Гурауэра, Лессингъ могъ называть своимъ другомъ, «въ высшемъ и священномъ смыслѣ этого слова».

Къ несчастью, при осуществленіи этого намѣренія Мендельсону суждено было испытать новое неизмѣримое для него горе—послѣд-

нее въ его жизни! Ф. Г. Якоби, «пантеистъ головою и мистикъ сердцемъ,» какъ его называлъ его другъ Вицепманъ, врагъ всякихъ спекулятивныхъ построеній въ области религіи, которыя, по его мнѣнію, въ своемъ высшемъ совершенствѣ должны всегда вести къ спиноцизму, въ смыслѣ атеизма,—этотъ Якоби носился тогда съ «тайною» относительно философскихъ и религіозныхъ убѣжденій Лессинга за послѣднее время его жизни. Якоби посѣтилъ Лессинга лѣтомъ 1780 г , и по поводу Гетевскаго стихотворенія «Прометей» велъ съ нимъ философскія бесѣды, въ которыхъ, по сообщенію Якоби, Лессингъ высказался безусловнымъ приверженцемъ ученія Спинозы. По словамъ Якоби, Лессингъ, между прочимъ, сказалъ ему при этомъ. «еслибы я долженъ былъ называть себя чьимъ либо именемъ, то я не знаю другаго имени, кромѣ Спинозы», «нѣтъ другой философіи, кромѣ философіи Спинозы», и пр. Объ этой «тайнѣ» Якоби счелъ нужнымъ сообщить Мендельсону черезъ ихъ общую подругу Элизу Реймарусъ,—дочь самаго знаменитаго Гамбуржца Германа Самуила Реймаруса, котораго изслѣдованія по вопросамъ религіи были изданы Лессингомъ. Это сообщеніе было сдѣлано для того, чтобы Мендельсонъ имѣлъ его въ виду при своемъ трудѣ о характерѣ и сочиненіяхъ Лессинга, «можетъ быть», писалъ по этому поводу Якоби къ Э. Реймарусъ, «Лессингъ объяснился своему дорогому другу Мендельсону такъ-же ясно, какъ и мнѣ,—но, можетъ быть, и нѣтъ, потому что онъ долго не видалъ его и очень неохотно писалъ письма». Мендельсонъ былъ сильно пораженъ этимъ сообщеніемъ и попросилъ у Якоби черезъ ту-же Э. Реймарусъ болѣе обстоятельнаго изложенія его бесѣдъ съ Лессингомъ. Якоби удовлетворилъ это желаніе Мендельсона, причемъ стремился доказать, что всякое строгое мышленіе необходимо должно вести къ спиноцизму, въ смыслѣ атеизма, и что отъ этой бѣды возможно спасаться лишь путемъ вѣры или, какъ онъ выразился Лессингу, помощью «salto mortale, съ головою внизъ». Такимъ образомъ между Якоби и Мендельсономъ завязалась довольно объемистая философская переписка, отличающаяся, какъ это иначе и не могло быть, взаимными недоразумѣніями и неудоумѣніями. Съ цѣлью выпутаться изъ этихъ недоумѣній и установить надлежащую точку отправленія — statum controversiae—въ этомъ разбирательствѣ, Мендельсонъ рѣшился выработать и изложить свои основныя воззрѣнія о нашей способно-

сти познаванія, о деизмѣ, пантеизмѣ и пр. Объ этомъ рѣшеніи Мендельсонъ сообщилъ и Якоби Такимъ образомъ появились знаменитыя «Утреннія бесѣды или чтенія о бытіи Бога» Мендельсона,—«послѣднее завѣщаніе догматической метафизики», какъ выразился объ этомъ сочиненіи Кантъ, «но и самый совершенное ея произведеніе,—памятникъ объ авторѣ, который никогда не утратитъ своей цѣны». Это произведеніе Мендельсона, которое, по справедливому замѣчанію М. Браша, представляетъ вмѣстѣ съ Theodicee Лейбница «самый величественный и значительный памятникъ философскаго теизма до Канта», выросло изъ дѣйствительныхъ бесѣдъ, которыя Мендельсонъ велъ по названнымъ вопросамъ въ утренніе часы, свободные отъ бухгалтерскихъ обязанностей, со своими дѣтьми и нѣкоторыми молодыми друзьями, между которыми находились и будущіе свѣтила науки XIX-о вѣка—братья фонъ-Гумбольдты. Еще въ послѣдніе годы своей жизни маститый Александръ фонъ-Гумбольдтъ хвалился вліяніемъ, которое Мендельсонъ имѣлъ на его воспитаніе, и вообще «честью ближайшаго знакомства съ выдающимися евреями, блиставшими въ Германіи въ области философіи и математики», — а первые литературные опыты Вильгельма фонъ-Гумбольдта носятъ несомнѣнные слѣды самаго непосредственнаго вліянія Мендельсона.

Не успѣло это новое сочиненіе Мендельсона достигнуть Пемпельфорта, мѣстопребыванія Якоби, какъ на пути въ Берлинъ уже находилось сочиненіе самого Якоби «Объ ученіи Спинозы, въ письмахъ къ Моисею Мендельсону», въ которомъ помѣщены были всѣ письма по этому предмету Мендельсона и Элизы Реймарусъ; «къ счастью, наши пакеты встрѣтились по дорогѣ», самодовольно писалъ объ этомъ обстоятельствѣ Якоби къ Гете.

Этотъ поступокъ Якоби глубоко оскорбилъ Мендельсона. Печатать чужія письма, не назначенныя для печати, безъ дозволенія ихъ авторовъ и при ихъ жизни, какъ сдѣлалъ Якоби съ письмами Мендельсона и Элизы Реймарусъ, справедливо считалось во всѣ времена дѣломъ недостойнымъ. Затѣмъ Мендельсона долженъ былъ оскорбить надменный и высокомѣрный тонъ Якоби; «любезный другъ», писалъ по поводу этого тона Гете къ Якоби, «существуютъ примѣры, что орлиныя яица на лонѣ Юпитера не были обезпечены отъ лошадиныхъ жуковъ». Особенно-же Мендельсона должно было

оскорбить безусловное утвержденіе Якоби, что Мендельсонъ дѣйствительно ничего не могъ знать о спиноцизмѣ Лессинга, — утвержденіе, выраженное въ томъ смыслѣ, что Лессингъ не удостоивалъ Мендельсона сообщеніемъ по столь важному предмету. Если сопоставимъ съ этимъ утвержденіемъ сообщеніе самаго Якоби въ этомъ-же сочиненіи, что «выше всѣхъ своихъ друзей Лессингъ цѣнилъ Мендельсона», особенно-же если мы сопоставимъ съ этимъ утвержденіемъ сообщеніе самого Якоби о его посѣщеніи Лессинга въ письмѣ къ Гейнзе, а именно, что «Лессингъ, повидимому, считаетъ Мендельсона самою ясною головою, самымъ лучшимъ философомъ и художественнымъ критикомъ нашего вѣка», — мнѣніе, которое, какъ прибавляетъ Якоби, раздѣляетъ и Лихтенбергъ, — если, говорю я, мы сопоставимъ всѣ эти показанія, то мы можемъ сами составить себѣ сужденіе, какую долю правды можетъ содержать приведенное утвержденіе Якоби, что Лессингъ не считалъ Мендельсона достойнымъ сообщенія относительно своихъ воззрѣній на ученіе Спинозы, — утвержденіе, находящееся впрочемъ и въ прямомъ противурѣчіи съ приведеннымъ нами первоначальнымъ утвержденіемъ Якоби по этому предмету, въ его письмѣ къ Э. Реймарусъ (см. стр. 37).

Въ настоящее время, когда вполнѣ выяснилось, что Якоби, какъ онъ самъ выражался, никогда не въ состояніи былъ понимать философскихъ воззрѣній своихъ противниковъ, когда, какъ оказалось, Якоби способенъ былъ вынюхивать спиноцизмъ и въ философіи тождества, мы, конечно, можемъ иначе относиться къ сообщеніямъ Якоби о спиноцизмѣ Лессинга,—и въ этомъ отношеніи несомнѣнно оказало крайне важную услугу извѣстное сочиненіе Шеллинга: «Denkmal der Schrift von den gottlichen Dingen», — сочиненіе, въ которомъ Шеллингъ учинилъ настоящій страшный судъ надъ Якоби. Мало того, столь многостороняя критика относительно философіи Лессинга, разработанная въ продолженіе уже 100 лѣтъ, въ сущности приводитъ теперь къ заключенію, что Мендельсонъ достаточно вѣрно отгадалъ возможный характеръ бесѣдъ Лессинга съ Якоби о Спинозѣ, въ своемъ первомъ письмѣ къ Якоби, когда онъ выразилъ предположеніе, отвергнутое однако Якоби, а именно, не сказалъ-ли Лессингъ приблизительно слѣдующее: «столь обезславленный Спиноза видѣлъ во многихъ отношеніяхъ гораздо

дальше. чѣмъ всѣ тѣ крикуны, которые сдѣлались героями въ его оклеветаніи; особенно его этика содержитъ прекрасныя вещи,—можетъ быть, лучшія вещи, чѣмъ нѣкоторыя ортодоксальныя сочиненія по морали или нѣкоторые учебники по философіи»,— характеристика, съ которою Мендельсонъ готовъ былъ согласиться.

Но во время появленія книги Якоби все это было иначе Прежде всего Мендельсонъ былъ еврей, и множество его явныхъ друзей, но тайныхъ ненавистниковъ радовалось поступку Якоби. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, Спинозу тогда еще третировали, по словамъ Лессинга, какъ «дохлую собаку», и, прикрытая именемъ Лессинга, защита ученія Спинозы, какъ единственно возможной философіи,—съ явною цѣлью призывать людей на то «эластическое мѣсто», съ котораго возможно упомянутое уже мною «salto mortale, съ головою внизъ»,— разумѣется, не могло нравиться Мендельсону Не забудемъ при этомъ, какія интриги были пущены въ ходъ немедленно послѣ смерти Лессинга, не забудемъ, напримѣръ, что въ одномъ церковномъ органѣ печати былъ пущенъ для народа нелѣпый слухъ, что Лессингъ не умеръ, а былъ прибранъ сатаною, и что даже въ собраніи образованныхъ людей, а именно въ Брауншвейской консисторіи, при упоминаніи однимъ изъ ея членовъ о покойномъ Лессингѣ (der selige Lessing), другой членъ консисторіи любвеобильно прервалъ его словами: «Herr College, Sie wollen doch wohl nur sagen: der verstorbene Lessing» (коллега, вы хотите навѣрное только сказать: умершій Лессингъ) Выставленіе Лессинга безусловнымъ спиноцистомъ, въ смыслѣ атеиста, тѣмъ болѣе должно было глубоко огорчать Мендельсона, что изложеніе Якоби о спиноцизмѣ Лессинга относилось къ 1780 г , т. е. ко времени появленія знаменитаго трактата Лессинга «Воспитаніе человѣческаго рода»,— обстоятельство, которое прямо выставляло Лессинга хапжею въ этомъ трактатѣ. Якоби, правда, не боялся и этого необходимаго вывода изъ такого сопоставленія; въ своемъ письмѣ въ Гаману онъ прямо объявляетъ «Натана Мудраго» и «Воспитаніе человѣческаго рода» Лессинга «маскою, которую Лессингъ употреблялъ, достаточно прозрачною, чтобы не скрывать его, но необходимою для его защиты отъ внѣшнихъ преслѣдованій», — но не такъ думалъ о своемъ незабвенномъ и великомъ другѣ Мендельсонъ!

Въ своемъ глубокомъ огорченіи, Мендельсонъ, котораго здоровье

было тогда очень потрясено, собралъ свои послѣднія силы и написалъ свой знаменитый призывъ въ защиту Лессинга, подъ заглавіемъ: «Къ друзьямъ Лессинга». Въ субботу, 31-о дек 1785 г (нов. ст.) онъ снесъ рукопись этого сочиненія своему издателю Фоссу, въ понедѣльникъ, 2-о янв. 1786 г., его другъ и врачъ д-ръ Маркусъ Герцъ нашелъ его еще за бухгалтерскими книгами, причемъ Мендельсонъ, среди жалобъ на свое здоровье, выразилъ и свое удовольствіе, что онъ покончилъ «непріятное дѣло» съ Якоби, а въ среду, 4-о янв 1786 г. (23-о дек. 1785 г. по стар. ст.) Мендельсона уже не стало! Онъ скончался подъ сѣнью бюста Лессинга, который онъ еще наканунѣ помѣстилъ передъ своимъ ложемъ!

Вся Германія была глубоко поражена извѣстіемъ о преждевременной кончинѣ Мендельсона [1]). Весь день его похоронъ торговля евреевъ была закрыта не только въ Берлинѣ, но и во многихъ ближайшихъ городахъ, куда успѣла проникнуть горестная вѣсть о его кончинѣ, и всѣ лавки, евреевъ и христіанъ, были закрыты на пути шествія погребальной процессіи, въ которой участвовала всѣ выс-

---

[1]) Извѣстный философъ и драматургъ Іог. Як Энгель, снабдивший предисловіемъ сочиненіе Мендельсона «Къ друзьямъ Лессинга», вышедшее уже послѣ его смерти, говоритъ въ этомъ предисловіи: «Всѣ интересующіеся наукою, философіею и нѣмецкою литературою знаютъ, сколько эти предметы потеряли со смертью Мендельсона, но какъ мало все это для оцѣнки незамѣнимой потери, понесенной его друзьями! Лишь самая малая часть его истиннаго величія блистала передъ всѣмъ міромъ, и даже его ума нельзя вполнѣ оцѣнить только по его сочиненіямъ, не смотря на ихъ разнообразіе, глубокомысліе и тонкость вкуса Еще менѣе легко оцѣнить его нравственную доброту, его сознаніе долга, скромность и другія великія и привлекательныя добродѣтели его характера. Этого человѣка съ слабымъ здоровьемъ не утомляло напряженное мышленіе, но его подорвалъ вызовъ Лафатера . Онъ могъ бы жить еще долго, еслибы не появилась книга Якоби» . . Замѣчательно, что обаяніе личности Мендельсона не потеряло своей силы и понынѣ Такъ новѣйшій историкъ философіи, знаменитый Берлинскій профессоръ Целлеръ пишетъ о Мендельсонѣ въ своей исторіи новѣйшей философіи: «Но Мендельсонъ былъ и личностью, воплотившею въ себѣ съ рѣдкою чистотою самыя привлекательныя и лучшія черты современнаго ему образованія, между тѣмъ какъ онъ былъ почти совершенно свободенъ отъ недостатковъ этого образованія, если и не въ своемъ мышленіи, то въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Его безкорыстная любовь къ добру, его величественная скромность, его философское спокойствіе и его безропотная покорность судьбѣ ставятъ его на одну доску съ Сократомъ и Спинозою, съ первымъ онъ раздѣлялъ и плѣнительное человѣколюбіе въ обращеніи, приправленное добродушною ироніею и всегда готовымъ остроуміемъ,

шіе образованные слои Берлина. Эти моменты весьма рельефно обрисованы Рамлеромъ въ его кантатѣ на смерть Мендельсона:

Ein Schauer drang durch meine Seele,
Als ich des Volkes Trauer sah.
Von Sonnenaufgang bis zu Sonnenuntergang
Sah ich der Wechsler Tische leer,
Der Kramer Haus verschlossen,
Des Handels Lauf gehemmt.
Man trauert um den Redlichsten in Israel
Als um den Obersten im Volk,
Als um den Aeltesten des Landes.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ многочисленныя прозаическія и поэтическія изліянія по случаю смерти Мендельсона,—но, можетъ быть, умѣстно привести здѣсь для образчика элегію на смерть Мендельсона, написанную однимъ изъ его ярыхъ противниковъ, Т. Виценманомъ, еще незадолго передъ тѣмъ съ неумѣстною запальчивостью напавшимъ на Мендельсона за его «Утреннія бесѣды»:

Wer ist der Schatten, der dort im dustern Schimmer des Mondes
So ruhig emporwallt?
Wie er, in Gedanken verloren, sich hebt! Wie er aufblickt,
Als ware kein Gerichtstag!
Sieh! das ist nicht des Feigen Blick, auch nicht des Erob'rers.
O, nenne mir Diesen!
Das ist des Weisen Schatten, der rastlos den Schimmer der Wahrheit
Auf Erden verfolgt hat.
Voll der Ahnung Gottes und der Unsterblichkeit Ahnung
Voll, hat er gewandelt
Dieses Wandels, sich selber bewusst, blickt auf er so ruhig,
Als wär' kein Gerichtstag.
Horch, wie hinter ihm her die Klage tonet!—ich hore ihn
Beweinen mit Schmerzen.
Hat er Waisen zuruckgelassen, und ringt eine Wittwe
Die Hande vorm Leichnam?

наслѣдіемъ его племени. . Онъ сохранилъ привязанность къ своему племени и религіи своихъ отцовъ, *непонятую* тѣми, которые, подобно Лафатеру, преслѣдовали его своими неуклюжими попытками обращенія. И въ этомъ отношеніи, какъ по всей своей духовной натурѣ, онъ *является* первообразомъ Натана Лессинга,—этого героя поэмы, въ которой предетавлены для всѣхъ времена и въ своемъ высшемъ совершенствѣ духъ нѣмецкаго *просвѣщенія*, его нравственный и религіозный идеалъ» .

Eine Wittwe und Waisen. Doch weit umher hallen die Seufzer
In Deutchlands Gefilden.
Jünglinge, edel und kuhn, die im Kampf mit Irrthum und Wahrheit
Sich seiner getrostet
Ach! und Germaniens Töchter, die durch ihn Hoffnung geschopfet
Des ewiges Lebens,
Klagen um ihn!

У подножія колоссальной, хотя въ высшей степени скромной духовной фигуры Моисея Мендельсона, и въ столь торжественный для насъ часъ, когда его память одухотворяетъ это собраніе, обязательно и поучительно спросить себя, что сказалъ бы онъ, еслибы онъ явился теперь среди насъ, еслибы передъ его живыя очи предстало современное еврейство? Какъ ни горестно, но необходимо сознаться, что оно едва-ли произвело бы на него отрадное и возвышенное впечатлѣніе. Я не говорю здѣсь о переживаемомъ нами послѣднемъ періодѣ внѣшней гражданской угнетенности: нужно имѣть слишкомъ мало вѣры въ силу духовной культуры и принциповъ справедливости, чтобы сомнѣваться въ болѣе или менѣе близкомъ окончаніи этого періода. Правда, нельзя вести этому процессу счета по годамъ, — но историческія судьбы предопредѣляются Провидѣніемъ, для Котораго, говоря словами нашего Божественнаго псалмопѣвца, «тысячи лѣтъ какъ вчерашній день». Я долженъ сознаться, что, когда я думаю о судьбахъ нашего племени въ послѣднія почти двѣ тысячи лѣтъ, мнѣ невольно вспоминается одинъ замѣчательный эпизодъ изъ жизни знаменитаго де-Фоэ, автора Робинзона Крузе,—этого благороднаго защитника слабыхъ и угнетенныхъ. Всѣмъ извѣстенъ рядъ злоключеній этой чистѣйшей души, всѣмъ извѣстно, что онъ значительную часть своей жизни провелъ въ тюрьмѣ. Разъ де-Фоэ былъ приговоренъ за одну брошюру къ отрѣзанію ушей и къ выставкѣ у позорнаго столба. Въ тогдашнее время преступниковъ выставляли у позорнаго столба на цѣлую ночь такимъ образомъ, что они должны были выставлять свою голову черезъ широкое отверстіе, и толпѣ предоставлялось забрасывать ихъ гнилыми яблоками, картофелемъ и грязью. Толпа неистово пользовалась своимъ правомъ и относительно де-Фоэ,—но когда насталъ день и толпа узнала блѣдное, окровавленное и искалѣченное лицо де-Фоэ, то наступила мертвая тишина и одинъ

изъ толпы возложилъ даже вѣнокъ на чело измученнаго де-Фоэ. Мм. Гг.! И для насъ настанетъ день, и относительно насъ толпа убѣдится, что она напрасно оскорбляла и мучила невинныхъ людей, а наши преслѣдователи убѣдятся, что они напрасно калѣчали намъ лицо!

Такимъ образомъ, я говорю здѣсь не о нашей внѣшней гражданской угнетенности, а о нашемъ внутреннемъ духовномъ строѣ. Я мысленно представляю себѣ среди насъ Моисея Мендельсона и спрашиваю, какое зрѣлище представило бы ему наше настоящее духовное и умственное состояніе? Онъ увидѣлъ бы прежде всего, какъ самая значительная часть потомковъ народа, который столько тысячелѣтій страдалъ за свою религію,— а именно все русское еврейство,— нимало не заботится о томъ, откуда ему въ ближайшемъ будущемъ получать своихъ духовныхъ пастырей — раввиновъ! Онъ увидѣлъ бы, какъ довольно значительная часть полуобразованнаго еврейства поняла его реформаторскія идеи въ томъ превратномъ смыслѣ, что «еврейство» и «еврейская религія» стали для нея лишь пустымъ звукомъ: это явленіе впрочемъ не очень сильно омрачило бы его духъ, потому что онъ увидѣлъ бы въ немъ лишь живую иллюстрацію старой истины, которую столь тонко выразилъ знаменитый поэтъ Ленау:

Wo der Held die Bande des Geistes bricht,
Fehlt auch der Thor, der frevelnde, nicht,
Der zwar von der Fessel los sich reisst,
Doch mit der Fessel zugleich vom Geist!

Онъ увидѣлъ бы, какъ уже болѣе 10-и лѣтъ на русское еврейство поднимаются чутъ-ли не ежедневно изъ разныхъ угловъ публичной печати самые неслыханные навѣты и клеветы,—имѣющія, къ сожалѣнію, въ настоящее время несомнѣнное вліяніе на нашу судьбу,— между тѣмъ какъ евреи остаются совершенно равнодушными къ столь систематическимъ и пагубнымъ клеветамъ, несомнѣнно выходящимъ отъ организованной, злоумышленной котеріи! Онъ, столь чувствительный къ такимъ клеветамъ, что не позволилъ себѣ оставить безъ отвѣта даже рецензію І. Д. Михаэлиса на драму Лессинга,—въ то время, когда печать имѣла еще очень мало вліянія на общественную и государственную жизнь,—съ ужасомъ отвернулся бы отъ этого явленія! Онъ увидѣлъ бы, какъ наше скромное «Общество», съ своимъ

столь широковѣщательнымъ названіемъ «для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи», пользуется столь ничтожною поддержкою среди массы, что должно довольствоваться для своихъ разнообразныхъ задачъ самымъ ничтожнымъ ежегоднымъ бюджетомъ! Онъ увидѣлъ бы замѣчательное преобладаніе исключительно практическихъ стремленій въ массѣ нашихъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которая до сихъ поръ произвела множество практическихъ врачей, адвокатовъ и пр , но лишь очень мало чисто-научныхъ дѣятелей. Въ оправданіе этого послѣдняго явленія можно, конечно, сослаться на крайне неблагопріятныя внѣшнія условія для чисто-научной дѣятельности нашихъ единовѣрцевъ,—но не забудемъ, среди какихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій приходилось дѣйствовать Мендельсону и цѣлой плеядѣ его послѣдователей!

Нельзя вообще не сознаться, что непосредственно практическія и даже матеріалистическія стремленія, — столь чуждыя еврейству прошедшихъ столѣтій,— въ значительной степени преобладаютъ въ современномъ еврействѣ, что даже въ Западной Европѣ, гдѣ евреи пользуются полною равноправностью, они во многихъ мѣстахъ болѣе бросаются въ глаза своими стремленіями къ роскоши и развлеченіямъ, чѣмъ неустанною культурною работою и стремленіями къ идеальнымъ благамъ[1])

Это послѣднее явленіе находитъ себѣ, конечно, объясненіе въ относительной новизнѣ для евреевъ полной гражданской свободы, вслѣдствіе чего элементы, стремящіеся къ легкимъ успѣхамъ, естественно всплываютъ вверхъ, и въ преобладающемъ матеріалическомъ направленіи всей нашей эпохи. Но въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить знаменитаго толкованія мишны талмуда (тракт Рошъ-Гашана, 29а) на стихъ Пятикнижія (Исходъ 17,11): «И когда Моисей поднимаетъ свою руку, то одолѣваетъ Израиль, а когда Моисей опускаетъ свою руку, то одолѣваетъ Амалекитянинъ». «Развѣ руки Моисея», остроумно спрашиваетъ мишна талмуда, «поднимаютъ сра-

[1]) Необходимо впрочемъ замѣтить, что элементы населенія, стремящіеся къ развлеченіямъ и роскоши, имѣютъ, между прочимъ, свойство болѣе всѣхъ бросаться въ глаза, между тѣмъ какъ болѣе идеальные элементы населенія остаются почти въ тѣни. Такъ, напримѣръ, въ 1877 г. Берлинская Академія Наукъ насчитывала въ своемъ физико-математическомъ отдѣленіи на 23 дѣйствительныхъ члена 5 евреевъ (слишкомъ $^1/_5$), — но на такихъ евреевъ мало обращаютъ вниманія при обыкновенныхъ сужденіяхъ!

женіе или разстроиваютъ сраженіе»? «Поэтому этотъ стихъ Пятикнижія», замѣчаетъ далѣе приведенная мишна талмуда, «поучаетъ насъ только, что пока Израильтяне обращаютъ свои взоры вверхъ и подчиняютъ свои сердца волѣ Небеснаго Отца, то Израиль побѣждаетъ, а въ противномъ случаѣ Израиль падаетъ»

Съ горячимъ пожеланіемъ всѣмъ нашимъ единовѣрцамъ бо́льшаго обращенія взоровъ вверхъ и бо́льшаго подчиненія своихъ сердецъ Разуму Небеснаго Отца, — не въ смыслѣ мистическаго пустосвятства, столь чуждаго духу еврейства, а въ смыслѣ неустанной и сознательной культурной работы на пользу ближняго, — работы, которая одна обезпечиваетъ по́бѣду надъ зломъ, — я и позволяю себѣ окончить мою сегодняшнюю рѣчь!

ВИБЛІОТЕКА